DK40
.S864

KRATKAIA ISTORIIA ROSSII DLIA
NARODNAGO I SOLDATSKAGO CHTENIIA

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

BOOK CARD

Please keep this card in book pocket

THE LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE DIALECTIC AND PHILANTHROPIC SOCIETIES

DK40
.S864

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00022532537

K5206

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
JAN 23 1976	JAN 7 '76		
Form No. 513			

MC
DK 40
.S864

Изданіе
ДОСУГЪ И ДѢЛО

КРАТКАЯ ИСТОРІЯ
РОССІИ

ДЛЯ НАРОДНАГО И СОЛДАТСКАГО ЧТЕНІЯ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ 4-ХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ КАРТЪ И ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ТАБЛИЦЫ.

KNIHOVNA AKADEMICKÉHO DOMU V PRAZE

Аркадія Столыпина.

AKADEMICKÁ KNIHOVNA V PRAZE

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Печатано въ типографіи Департамента Удѣловъ. Литейный просп., № 39.
1869

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12-го декабря 1868 года.

АКАДЕМИСКА КНИГОВНИЦА В ПРАЗЕ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Самая большая часть русскаго народа, къ несчастію, еще безграмотна. И подлинно—*къ несчастію*: сколько такихъ примѣровъ, что цѣлая деревня не вѣритъ въ какое нибудь распоряженіе начальства, потому что, по безграмотству, некому прочесть внятно присланнаго приказа, а всякій толкуетъ его вкривь и вкось! При такихъ случаяхъ дѣло не обходится безъ наказаній: тогда мужички, начинаютъ понимать—да уже поздно.

Тѣ, которые и знаютъ грамоту, по большей части умѣютъ только читать и писать. Дѣло это полезное, да неполное. Можно умѣть читать и писать и оставаться простякомъ, если не знать другихъ наукъ, а въ особенности закона Божія да исторіи: всякій пройдоха наговоритъ тебѣ съ три короба вздора, а ты и вѣрь ему на слово, если не съ умѣешь обличить его.

Какъ же тутъ быть, если въ школѣ выучили только чтенію и письму, а исторіи и другимъ наукамъ не учили? Самому надо постараться кое-гдѣ пріобрѣсть книжонку-другую; но тутъ

опять бѣда: безъ учителя ничего не поймешь, потому что въ исторіи и въ другихъ наукахъ попадаются мудреныя слова, какъ и во всякомъ особенномъ какомъ нибудь дѣлѣ; примѣромъ сказать—хоть бы въ столярномъ: скажи иному барину, который всякимъ наукамъ обучался, да столярнаго дѣла не знаетъ—*стамеска*, *рубанокъ*, *струбцинокъ*... онъ и глаза вытаращитъ, подумаетъ что ему по татарски говорятъ! Такъ и столяръ, которому странно покажется, что баринъ такихъ простыхъ словъ не знаетъ, самъ не пойметъ, если баринъ начнетъ ему говорить разныя слова изъ исторіи, которыя для него проще во сто разъ иныхъ столярныхъ названій, на примѣръ: *эпоха*, *періодъ*, *эра* и множество другихъ.

Сія *краткая исторія русскаго народа* и составлена для того, чтобы по ней можно было учиться самоучкой, безъ помощи учителя: всѣ мудреныя слова и другіе предметы въ ней истолкованы, такъ что выучившись по ней, бери и читай любую другую исторію — все будетъ понятно.

Исторію эту не слѣдуетъ заучивать на изусть; довольно со вниманіемъ прочесть, чтобы потомъ съумѣть своими словами разсказать; но за то приложенную въ концѣ книжки *хронологическую таблицу* не худо, какъ говорится, выдолбить на зубокъ.

КРАТКАЯ ИСТОРІЯ РОССІИ.

Что есть Исторія?—Какая польза отъ изученія Исторіи? и нѣкоторыя пріуготовительныя свѣдѣнія.

Первые люди жили въ пещерахъ, прикрывали наготу свою звѣриными шкурами, полей обработывать не умѣли и питались чѣмъ Богъ послалъ. Могли они такъ существовать только потому, что жили тамъ, гдѣ было теплѣе; въ такія же холодныя страны, какъ напримѣръ—въ Россію, они и незаходили.

Наконецъ людей народилось такъ много, что имъ надо было повсюду разбрестись; тѣ, которые пошли на сѣверъ, то есть въ холодныя страны, начали придумывать средства противъ холода: строить дома и печи; тѣ, которые пошли на югъ, начали принимать мѣры противъ зноя. Исподволь дошло до того, что начали строить дворцы, выдумали желѣзныя дороги и столько всякихъ вещей, что и не пересказать; а если простоитъ свѣтъ еще столько же, сколько онъ до сихъ поръ стоялъ, то для всѣхъ людей удобства жизни будутъ такія, которыхъ мы теперь и вообразить себѣ не можемъ.

Какъ же все это сдѣлалось? Одинъ человѣкъ на

своемъ вѣку не много можетъ выдумать? Сдѣлалось это очень просто: какой нибудь умный человѣкъ выдумаетъ полезную вещь и научитъ сына какъ ее сдѣлать, сынъ къ этой вещи еще что нибудь приспособитъ, да своимъ дѣтямъ передастъ; такъ и пойдетъ изъ рода въ родъ.

Слѣдовательно: люди не перемерли всѣ отъ холода и голода только потому, что они выучились отъ своихъ предковъ какъ сохраниться отъ этихъ напастей, то есть: ***знаютъ, какъ жили и что выдумали ихъ отцы и дѣды.***

Это ***знаніе—какъ жили, что выдумывали и что дѣлали отцы и дѣды и называется*** **исторіей.**

Когда грамота и письмена еще не были выдуманы, то отцы могли передавать дѣтямъ свои познанія и то, что они сами слышали отъ отцевъ, только въ разговорахъ, то есть: на словахъ или ***устно;*** такая ***исторія*** называется ***устнымъ преданіемъ.***

Когда выдумали письмена, умные люди начали записывать все, что вокругъ нихъ дѣлается и что прежде дѣлалось; такая ***исторія*** называется ***лѣтописью,*** а по гречески ***хронографомъ*** или короче ***хроникою.***

Если человѣкъ знаетъ—что дѣлалъ и какъ жилъ его отецъ, дѣдъ и другіе родственники, то онъ знаетъ свою ***семейную исторію*** или другими словами ***семейную хронику.***

Если онъ знаетъ что дѣлали и какъ жили всѣ его земляки и предки ихъ, то онъ знаетъ ***отечественную исторію.***

Если онъ знаетъ какъ все человѣчество жило и что дѣлалось во всемъ мірѣ, то онъ знаетъ ***всемірную*** или ***всеобщую исторію.***

Если же онъ знаетъ какъ жили и что дѣлали пророки, апостолы и самъ Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, то онъ знаетъ ***священную исторію.*** Священная исторія имѣетъ еще другое названіе: ***Библія,*** которая раздѣляется на ***Вѣтхій Завѣтъ*** и на ***Новый Завѣтъ*** (*). Вѣтхій Завѣтъ есть священная исторія ***до*** Рождества Христова. а Новый Завѣтъ есть священная исторія ***послѣ*** Рождества Христова и содержитъ въ себѣ жизнь Спасителя нашего Іисуса Христа. Новый завѣтъ еще называется ***Евангеліемъ.***

Кромѣ ***исторіи человѣчества*** люди дошли до такой премудрости, что знаютъ исторію самой земли, всѣхъ звѣрей и всѣхъ растеній; то есть: копая да роя узнали, что въ такомъ то мѣстѣ земля была такая-то, теперь иная, или что тамъ-то сперва было море, а теперь поле; знаютъ какіе звѣри теперь существуютъ на землѣ и какіе сперва были; знаютъ также какія растенія прежде были и какія теперь по землѣ растутъ. Такая исторія

(*) Слово *Завѣтъ* значитъ *завѣщаніе*, то есть—исторія о томъ, что завѣщалъ намъ Богъ.

называется ***естественной исторіей,*** то есть исторіей ***естества***; значитъ—того, что ***есть*** или существуетъ на всемъ свѣтѣ.

Изъ всего выше-сказаннаго понятно, что выучившись молитвамъ, грамотѣ и счету, прежде всего надо приняться за изученіе ***исторіи,*** потому что въ этой наукѣ вся жизнь и главная премудрость человѣческая. И подлинно: исторію читать—что стариковъ слушать, всякаго поученія изъ чужаго опыта можно набраться. А такъ какъ сія исторія написана не для дѣтей, а для взрослыхъ, то не лишнимъ будетъ указать и на другую пользу: не зная исторіи приходится молчать въ обществѣ образованныхъ людей, когда рѣчь пойдетъ о ***томъ, что совершается въ свѣтѣ,***—то есть о ***политикѣ;*** потому что все, что теперь совершается, произходитъ отъ того, что прежде совершилось: не знавши прежняго не поймешь настоящаго. Даже и газетъ нельзя читать съ толкомъ не зная исторіи: ежеминутно могутъ встрѣтиться разныя непонятныя историческія слова.

Какъ часто случается видѣть офицера, произведеннаго изъ солдатъ, или купца вышедшаго изъ крестьянскаго сословія, которые, въ бесѣдѣ или въ собраніи вмѣсто того, чтобы вести разговоръ съ своими равными, стоятъ у притолки да хлопаютъ глазами. Зная исторію такаго стыда не можетъ случиться.

Учиться исторіи, разумѣется, надо по порядку, потому что конца нельзя понять не зная начала: для всякаго христіанина первымъ началомъ должна быть ***священная исторія***; потомъ слѣдуетъ приняться за ***отечественную исторію,*** то есть: такъ какъ мы русскіе,—за ***исторію русскаго народа.*** Кромѣ этаго необходимы нѣкоторыя пріуготовительныя свѣдѣнія, то есть: надо разъяснить мудреныя слова, о которыхъ мы говорили въ началѣ и, ознакомить съ мѣстомъ, о которомъ будемъ разсказывать; если этаго не сдѣлаемъ съ начала, то придется слишкомъ часто останавливаться во время разсказа.

Мы уже сдѣлали начало тѣмъ, что объяснили что значитъ слово ***Исторія*** и какія бываютъ исторіи. Чтобы легче изучить всякую исторію,—и священную, и отечественную, и всемірную,—надо раздѣлить ее на ***періоды,*** то-есть: выучиться сначала, что дѣлалось въ ***такое-то время, отъ такаго-то года до такаго;*** потомъ, что дѣлалось въ другое время—и такъ далѣе. Чтобы помнить хорошо начало и конецъ каждаго ***періода,*** выбираютъ для этого такіе годы, въ которые случилось что нибудь важное, какъ напримѣръ: изгнаніе изъ Россіи французовъ, или освобожденіе крестьянъ, или что нибудь другое. Можно, стало-

быть, сказать: «періодъ времени отъ изгнанія французовъ до освобожденія крестьянъ.»

Такіе важные случаи и годы, отъ которыхъ и до которыхъ считаются періоды въ исторіи какаго нибудь народа, или даже въ жизни человѣческой, называются — **эпохами.** Стало-быть, человѣкъ можетъ про себя сказать: «выходъ мой изъ школы и женитьба моя—были самыя важныя ***эпохи*** моей жизни, и періодъ жизни между двумя этими ***эпохами,*** былъ для меня наисчастливѣйшій.» Точно также можно сказать: «***эпоха*** изгнанія французовъ изъ Россіи на всегда останется въ памяти народной и освобожденіе крестьянъ будетъ одной изъ важнѣйшихъ ***эпохъ*** въ русской исторіи; ***въ періодъ*** времени между двумя этими ***эпохами,*** Россія испытала много бѣдствій, но вышла изъ нихъ благополучно!»

Самая важная эпоха въ исторіи всего человѣчества, съ тѣхъ поръ, какъ созданъ свѣтъ, есть день, въ который родился Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ. Этотъ день рождества Христова такъ важенъ, что всѣ христіане празднуютъ его каждый годъ и съ него начинается христіанское лѣтосчисленіе, то-есть: считаются года во всякой христіанской исторіи и для всякихъ случаевъ, напри-

мѣръ: «у насъ теперь 1868 годъ,» или: «я родился въ 1845 году,» или: Государь даровалъ намъ свободу 19 февраля 1861 года... Все это значитъ: ***считая отъ Рождества Христова.***

По важности своей, ***эпохи, отъ которыхъ начинаются лѣтосчисленія называются особымъ названіемъ:*** эрой. И такъ: отъ Рождества Христова считается ***христіанская эра;*** магометане, то-есть: турки, татары и другіе азіатцы имѣютъ свою ***эру магометанскую:*** у нихъ теперь идетъ не нашъ 1868 годъ, а другой—свой магометанскій.

Такъ какъ важныя дѣла или ***эпохи*** совершаются въ свѣтѣ по волѣ Божіей, то ихъ можетъ совершиться въ одинъ годъ нѣсколько; иногда же, болѣе ста лѣтъ пройдетъ и ничего примѣчательнаго не случится, то-есть: не будетъ важной эпохи; такимъ образомъ, одинъ періодъ можетъ быть длинный. а другой короткій. По этой причинѣ исторію раздѣляютъ, для точнаго порядка, кромѣ ***періодовъ,*** еще на ***вѣка*** или на ***столѣтія.*** Напримѣръ, вмѣсто того, чтобы сказать, что отъ Рождества Христова прошло 1868 лѣтъ, можно сказать: прошло 18 вѣковъ и 68 лѣтъ, или отъ Рождества Христова идетъ девятнадцатый ***вѣкъ*** или ***столѣтіе,*** что все равно.

Всѣ мудреныя историческія слова или, какъ

говорится, историческіе ***термины,*** о которыхъ мы до сихъ поръ упомянули, касались времясчисленія; изъ этого легко заключить, что ***времясчисленіе,*** то-есть: ***года когда что случилось,*** очень важно знать при изученіи исторіи; оно такъ важно, что составляетъ особую науку, называемую **хронологіей.** И такъ, ***хронологія есть исчисленіе всѣхъ годовъ, въ которые случились важныя событія: въ которые такое-то царствующее лицо родилось и умерло, или взошло на престолъ, такой-то полководецъ или другой замѣчательный человѣкъ совершилъ такое-то дѣло.*** Если всѣ эти года вписаны по порядку въ одну таблицу, то она называется ***хронологической таблицей.*** При этой исторіи приложена такая таблица, и ее, какъ сказано въ предисловіи, слѣдуетъ знать на память.

Не менѣе важно въ исторіи: знать мѣсто, гдѣ совершились дѣла, о которыхъ придется разсказывать. Какъ, напримѣръ, начать разсказъ про то, что случилось въ комнатѣ какого нибудь дома, не описавъ сперва всего этого дома: какой онъ, сколько въ немъ ярусовъ и сколько комнатъ? ***Наука, которая научаетъ знать всякую мѣстность, называется землеописаніемъ или*** **географіей.**

Нѣтъ человѣка на свѣтѣ, который бы не зналъ географіи; только одинъ знаетъ меньше, а другой больше. Всякій знаетъ, напримѣръ, свою деревню и мѣстность вокругъ нея, — сталобыть, онъ знаетъ географію своей деревни; другой знаетъ всю свою губернію—такъ онъ знаетъ географію своей губерніи; если же кто знаетъ всю Россію, сколько въ ней рѣкъ, горъ, губерній, уѣздовъ, и гдѣ что родится, да какія гдѣ фабрики и заводы, — тотъ знаетъ ***географію Россіи.*** Есть и такіе ученые, что знаютъ весь свѣтъ—такъ тѣ знаютъ ***всеобщую географію.***

Тутъ, разумѣется, не мѣсто изъяснять всю географію: нужно только пояснить ее столько, на сколько необходимо знать для ***Исторіи русскаго народа.***

Необходимо, напримѣръ, знать—гдѣ находится Россія, такъ какъ въ свѣтѣ разныхъ государствъ много. Для этого, во-первыхъ, скажемъ, что земля вся раздѣляется на пять частей, которыя и называются ***пятью частями свѣта;*** онѣ суть: ***Европа, Азія, Африка, Америка*** и ***Австралія.*** Въ ***Европѣ*** живутъ всѣ христіанскіе народы: русскіе, французы, нѣмцы, итальянцы. испанцы, англичане и греки, изъ нехристей въ нее затесались только евреи да турки. Въ ***Азіи*** живутъ китайцы, татары. киргизы и разные другіе нехристи; въ этихъ двухъ частяхъ свѣта, то-есть, въ ***Европѣ*** и ***Азіи***, и находится Россія.

Четыре части Россіи находятся въ ***Азіи,*** а одна часть въ ***Европѣ;*** но эта одна часть, хотя она только пятая, и есть самая важная: вся исторія русскаго народа въ ней происходила и называется она ***Европейской Россіею. Азіатская*** же ***Россія,*** то-есть: тѣ четыре части, которые находятся въ Азіи, во многихъ мѣстахъ еще не населена, да еще и не вымѣрена; въ Азіатской Россіи находятся сибирскія губерніи и разные кочевники, то есть такіе, которые, по дикости своей, не живутъ на одномъ мѣстѣ, а кочуютъ со своимъ скотомъ по необитаемымъ степямъ.

Про Африку, Америку и Австралію не будемъ говорить, потому что въ этихъ трехъ частяхъ свѣта нѣтъ русскихъ; развѣ для любопытства скажемъ что въ Африкѣ самая дичь: тамъ, по большей части, отъ великой жары народъ чернокожій, между этими чернокожими есть и людоѣды. Въ Австраліи и Америкѣ народъ, по преимуществу, выселившійся изъ другихъ странъ, по большей части изъ Англіи; съ этими американцами, изъ породы англичанъ, русскіе находятся въ большой дружбѣ.

Мы знаемъ теперь, что Россія лежитъ въ двухъ частяхъ свѣта—въ Европѣ и въ Азіи; необходимо знать также, какія государства съ ней граничатъ, потому что въ Исторіи часто случится разсказывать о войнахъ или о союзахъ съ этими государствами.

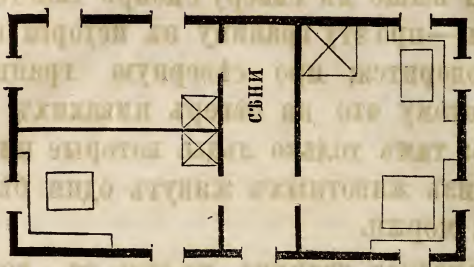
Про восточную границу, ту что по правую руку въ Азіи, мы только мелькомъ упомянемъ; тамъ, какъ выше сказано, еще не совсѣмъ обмежевано,

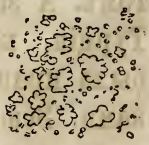
до сихъ поръ еще идетъ война съ Бухарой и съ разными другими дикарями. Тамъ также находится и Китай, а выше къ сѣверу Сибирь тянется до самаго моря,—про эту границу въ исторіи почти не будетъ говорится; про сѣверную границу еще менѣе, потому что на сѣверъ никакихъ нѣтъ государствъ: тамъ только льды, которые никогда не таютъ, а изъ животныхъ живутъ одни бѣлые медвѣди, да моржи.

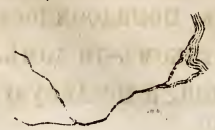
Вотъ западная граница, то-есть та, которая по лѣвую руку къ Европѣ — очень важна для исторіи. Выше всѣхъ, сей часъ за моремъ отъ Петербурга, находится Швеція: тамъ живутъ шведы, которые въ старину назывались ***варягами.*** Подъ Швеціей, за польской границей, идетъ Пруссія и Австрія, тѣ что называются нѣмцами. Потомъ по южнѣе валахи, болгары и другіе братья наши православные, которые находятся подъ турецкимъ гнетомъ. А за тѣмъ, на самомъ югѣ за моремъ, лежитъ Турція, которая прежде называлась Византіей и была православная, а потомъ была завоевана турками. Всю эту западную и южную границу надо хорошо помнить: вся исторія русская на ней происходитъ; лучше всего ее запомнить по картѣ. (См. карту № 4-й).

Не всѣмъ извѣстно, можетъ быть, что такое есть ***карта*** или, по просту сказать, планъ? Постараемся объяснить: намъ, напримѣръ, понадобилось растолковать кому нибудь, что въ такомъ-то домѣ, по правую руку сѣней—одна горница, а по лѣвую двѣ; для

этого, можно взять и начертить такимъ образомъ:



всѣмъ и будетъ понятно; даже будетъ видно сколько оконъ и дверей въ комнатѣ, гдѣ стоятъ скамьи и столъ, гдѣ печки находятся: — это называется ***планомъ дома.*** Если же, на такомъ же маломъ кускѣ бумаги, захочется намъ пояснить, что стоитъ домъ, садъ, за садомъ прудъ, что въ прудъ течетъ рѣка, а за рѣкою гора... и это можно сдѣлать: садъ чертится маленькими листочками такъ: 

прудъ чертится такъ: разумѣется такой формы, какой онъ есть въ натурѣ; рѣка—полоской:  , такъ какъ она бѣжитъ; а

гора такимъ образомъ: теперь все это надо расположить какъ оно есть въ натурѣ:

AKADEMICKÁ KNIHOVNA V PRAZE

и всякій, кому извѣстна мѣстность, про которую идетъ рѣчь, непремѣнно пойметъ ее по этому ***плану*** или ***картѣ.***

Такимъ образомъ можно начертить, на такомъ же маленькомъ кускѣ бумаги, всю Россію и весь свѣтъ, только ужъ выйдетъ слишкомъ мелко и всѣхъ городовъ не упишешь; даже на той картѣ, которая при этой исторіи находится, стоятъ одни губернскіе и большіе города и то только обозначенные маленькими кружками. Бываютъ, разумѣется, и такія карты Россіи, на которыхъ каждая маленькая деревенька, каждый лѣсокъ и каждый пригорокъ обозначены, но такія карты печатаются на сотняхъ листовъ.

Карта чертится всегда такъ, что ***сѣверъ*** или

полночь у ней на верху, и тогда, разумѣется, по правую руку будетъ восходъ солнца, что называется ***востокомъ,*** а по лѣвую закатъ или ***западъ,*** внизу же полдень или ***югъ.***

Зная гдѣ лежитъ Россія и какія у ней границы, остается намъ, чтобы покончить съ географіей, узнать ея величину или, какъ говорится, ***пространство.*** Прежде всего да будетъ извѣстно, что ни одно государство, съ тѣхъ поръ какъ свѣтъ существуетъ, не было такъ велико, какъ Россія: про теперешнія и говорить нечего! Есть губерніи въ Россіи, въ которыя помѣщается цѣлыхъ три или четыре нѣмецкихъ королевствъ; а такихъ губерній 57, не считая Финляндіи, Польши и Азіатскихъ степей. Лучше всего можно представить себѣ величину Россіи, если сказать, что придется идти слишкомъ пять лѣтъ, чтобы кругомъ обойдти всю Россію, потому что кругомъ считаютъ болѣе 45,000 верстъ: съ сѣвера до юга безъ малаго будетъ 5000 верстъ; а съ запада на востокъ около 15,000 верстъ. Всѣхъ людей въ Россіи болѣе 75,000,000; войска одного ***цѣлый милліонъ!***

Да проститъ же намъ Богъ если мы погордимся именемъ ***русскихъ*** и да сподобитъ онъ насъ прилежно изучитъ исторію роднаго края, чтобы въ великихъ дѣяніяхъ нашихъ предковъ, почерпнуть ту силу и тѣ добродѣтели, которыя должны отличать истинно-русскаго человѣка!

УСТНЫЯ ПРЕДАНІЯ.

Россія не всегда была такъ велика какъ теперь. По картѣ № 1 видно — какое она занимала малое пространство съ начала своего существованія, но объ этомъ рѣчь впереди. Любопытно сперва знать что было и кто жилъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь Россія до ея начала, то есть: болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ?

По границѣ Россіи, въ Европѣ тогда были сильныя государства, въ которыхъ процвѣтали земледѣліе, торговля и науки; всѣ эти государства исповѣдывали христіанскую вѣру, а корень православія былъ въ Византіи. Всѣхъ необразованнѣе были наши братья славяне, которые тогда жили, и по теперешнее время живутъ, за границей нашей, на Дунаѣ; но и они въ то время, про которое идетъ рѣчь, начали просвѣщаться христіанскимъ ученіемъ: къ нимъ, въ 863 году, прибыли изъ Греціи святые отцы:—Кириллъ и Меѳодій, и начали учить ихъ православной вѣрѣ; а такъ какъ у славянъ письменъ еще не было, то они составили славянскую азбуку, т. е. буквы, которыми и по нынѣ пишутся наши церковныя книги; такимъ способомъ они переложили всѣ святыя писанія на славянскій языкъ. Вотъ почему преподобныхъ ***Кирилла и Меѳодія*** и ***называютъ славянскими первоучителями.*** Отъ нихъ, чрезъ братьевъ нашихъ Моравовъ, и по Россіи распространилась грамотность, но гораздо позже... До того же времени, о которомъ

идетъ рѣчь, вся страна, гдѣ нынѣ находится Россія, была что называется — дичь! О ней въ другихъ государствахъ совсѣмъ почти не знали.

Въ странѣ этой жили, отъ Новгорода полосою внизъ къ западу и къ югу, такіе же славяне какъ въ Моравіи, но еще гораздо менѣе образованные; къ востоку скитались дикія турецкія племена; на сѣверѣ до тѣхъ мѣстъ, гдѣ теперь Петербургъ и не много ниже, племена чухонскаго или финскаго корня; еще пониже—по западной границѣ—племена чудскія и литовскія; все это ясно изображено на картѣ № 1-й.

Такъ какъ всѣ эти племена объ грамотности и понятія не имѣли, то, разумѣется, никто между ними лѣтописи вести не могъ; остались про нихъ, стало-быть, одни только ***устныя преданія*** которыя, уже гораздо позже, были записаны нашими лѣтописцами и такимъ образомъ до насъ дошли. Вотъ что говорятъ эти устныя преданія:

Народъ былъ дикій: кто жилъ въ лѣсу—занимался охотой за звѣрями, въ степи—скотоводствомъ, при рѣчкахъ—рыболовствомъ. Изо-всѣхъ племенъ обитающихъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ теперь Россія, самое многочисленное было—славяне и они, хотя также, какъ и прочіе, были еще нехристи и поклонялись идоламъ, но были пообузданнѣе: кое-гдѣ запахивали поля и заводили, по берегамъ рѣкъ, деревни и городили города, не такіе города какъ теперь, а просто ***огораживались*** отъ нападенія звѣря, или непріятеля, то-есть: ставили ***изгородь,*** вотъ это и называлось ***городомъ.***

Причина, что славяне не были такъ дики, какъ финскія и турецкія племена, есть та, что они селились по большимъ рѣкамъ, которыя текутъ между сѣверомъ, западомъ и югомъ, то есть: по Волхову, по Двинѣ и по Днѣпру съ притоками; а по этимъ рѣкамъ лежалъ водянной путь ***варягамъ***, которые изъ своей варяжской земли, та что теперь называется Швеціей, ходили для торговли до Царяграда, даже у византійскихъ императоровъ въ войскѣ служили. Понятно что славяне отъ варяговъ, которые были образованнѣе ихъ, начали многое перенимать, начали промѣнивать у нихъ свой товаръ: рыбу, деготь и мёдъ, на разные предметы для удобства жизни, которыхъ сперва не знали, какъ на примѣръ: на желѣзныя издѣлія, на разныя ткани для одежды и, между прочимъ, на крѣпкіе напитки. Наконецъ, такъ какъ варяги, для торговли съ славянами, приходили все въ одни и тѣже мѣста, то на этихъ мѣстахъ скопилось больше народу, начали лучше строиться, для складу товаровъ ставили гостинные дворы, то есть: дворы для ***гостей.*** Гостями величали славяне пріѣзжихъ торговцевъ. Вотъ такъ и построились первые города: ***Новгородъ, Полоцкъ*** и другіе, въ которыхъ поселились для торговли и многіе варяги.

Такимъ образомъ свыклись славяне съ варягами; тѣмъ болѣе они пришлись другъ другу по нраву, что и тѣ и другіе были язычники; варяги, какъ и славяне, приносили жертвы идоламъ: Перуну—богу грозы, Даж-богу—богу солнца или Воло-

ху—скотскому богу; они также вѣрили въ колдуновъ и въ русалокъ. Но все-таки варяги были гораздо образованнѣе славянъ, не по книжному, а потому что перебывали во многихъ странахъ и были люди военные, какъ по тогдашнему называлось: *витязи*.

Варяги, будучи образованнѣе, взяли власть надъ славянами, начали вводить у нихъ свои порядки, безъ которыхъ никакого дѣла нельзя было бы съ ними имѣть: и подлинно что у славянъ происходила такая неурядица и безначаліе, что сами они ради были учиться уму-разуму у чужихъ людей. Были у нихъ правда старшины, которыхъ выбирали на *міру* или, какъ по тогдашнему называлось—на *вѣчахъ*, но старшинъ они этихъ не слушали, да и варягамъ, которыхъ уже много поселилось между славянами, не приходилось повиноваться полудикому старшинѣ, выбранному изъ *смерди*: такъ прозывался тогда черный простой народъ и такъ называли варяги славянъ, самихъ же себя считали они витязями то есть: нѣчто въ родѣ дворянъ. Дошло, однимъ словомъ, до того, что выбрали старшинъ варяжскихъ и уже назвали ихъ *князьями*, потому что дали имъ надъ собою княжескую власть.

Вотъ что преданіе говоритъ объ этомъ избраніи: начали было славяне платить варягамъ дань, но потомъ прогнали ихъ и сами собою попробовали владѣть но: .. *«не бѣ въ нихъ правды, и вста родъ на родъ»*.. тогда рѣшили про-

межъ себя: «*поищемъ себѣ князя, иже бѣ володѣлъ нами и судилъ по праву*»... Послали славяне пословъ за море и обратились къ варяжскому племени называемому Русью, съ такою рѣчью: «*земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидете княжить и володѣти нами*». Вотъ и пошли къ нимъ три брата изъ *варяго-руссовъ: Рюрикъ, Синеусъ* и *Труворъ*... «*Отъ тѣхъ прозвася Русская земля!*.» Это случилось въ 862 году, и съ этого года начинается первый періодъ исторіи Русскаго народа.

Прежде чѣмъ приступимъ къ этому первому періоду, не безполезно вывесть два очень важныя заключенія изъ вышесказаннаго.

Во первыхъ: хотя преданіе говоритъ, что варяго-русскихъ князей *вызвали изъ-за-моря*, но это надобно понимать только такъ, что они родомъ были изъ-за-моря; по всей же вѣроятности они были изъ тѣхъ варягъ, которые прежде поселились между славянами. Преданіе также говоритъ, что они съ собою привели все свое племя, и это надо понять въ томъ только смыслѣ, что они окружили себя тѣми земляками, которые уже давно съ ними жили на славянскихъ земляхъ. Если бы, въ самомъ дѣлѣ, варяго-русскіе князья пришли со своими людьми изъ за-моря, то они не умѣли бы говорить по славянски, а говорили бы по своему; въ преданіяхъ же не упоминается что-

бы первые варяго-русскіе князья и приближенные ихъ говорили иначе, какъ по славянски; напротивъ того, говоря по славянски. они славянскій языкъ назвали русскимъ, точно такъ какъ и страну, которая ихъ избрала, назвали—Русью, какъ свою принадлежность.

Второе важное заключеніе слѣдующее: наши предки, которые жили на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь Россійское государство, не назывались ***рускими,*** а были разныхъ племенъ: и славянскаго, и чудскаго или чухонскаго, и литовскаго, и многихъ другихъ; стало быть не ***по племени*** они начали называться рускими, а ***по своимъ князьямъ.***

И теперь: всѣ мы, какого бы племени ни были, находясь подъ державою рускаго Царя, должны называться ***рускими,*** потому что предки наши приняли это названіе отъ своихъ князей, не разбирая какого они племени. Однимъ словомъ: названіе русскаго не есть ***племенное*** (разныхъ племенъ и теперь много на Руси), а ***государственное,*** отъ первыхъ варяго-русскихъ государей-князей, которые назвали ***русскими*** всѣхъ своихъ подданныхъ. Слѣдовательно: литовецъ изъ Вильны такой же русскій, какъ и славянинъ изъ Москвы, какъ и чухонецъ изъ-подъ Петербурга.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Отъ основанія Руси (въ 862 г.), до раздробленія ея (въ 1054 г.).

Основателями Руси, какъ мы видѣли, были три брата: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ; но Синеусъ и Труворъ вскорѣ умерли и потому настоящимъ основателемъ считаютъ **Рюрика.** Онъ, чтобы учредить порядокъ въ странѣ, которая его избрала на княженіе, послалъ, по разнымъ мѣстамъ, своихъ варяжскихъ витязей; такъ, напримѣръ, въ Кіевъ онъ послалъ **Оскольда и Дира.** Эти витязи не слишкомъ-то признавали надъ собою власть великаго князя, а каждый дѣйствовалъ въ своемъ участкѣ, какъ отдѣльный князь; Оскольдъ и Диръ, напримѣръ, ходили войной на Царь-градъ и **Олегу,** преемнику Рюрика, бывшему правителемъ по малолѣтству наслѣдника Игоря Рюриковича, пришлось ихъ покорить оружіемъ, потому что добровольно они не хотѣли ему подчиниться.

Олегъ былъ очень воинственный князь: онъ не только многія сосѣднія славянскія племена себѣ подчинилъ, но задалъ страха и греческому или византійскому императору, такъ что тотъ при-

нужденъ былъ дать ему богатый выкупъ, чтобы только онъ отступился отъ Царя-града.

Игорь и сынъ его **Святославъ,** по примѣру Олега, также воевали съ Греками, но всякій разъ императоры греческіе брали верхъ, потому что они были еще тогда въ великой силѣ.

Вообще первые русскіе князья болѣе думали о военныхъ подвигахъ и о Царѣ-градѣ, чѣмъ о благоустройствѣ славянъ. Славянскія земли они считали какъ будто только путемъ къ пріобрѣтенію Царя-града, и очень понятно: Царь-градъ, или какъ его иначе называютъ, Константинополь и Византія, прельщалъ ихъ золотомъ, бархатомъ и разной роскошью; а славянскія земли ни чѣмъ ихъ не привлекали — голь и дичь!... Къ тому же первые князья болѣе считали своими варяговъ, чѣмъ славянъ; варягъ они называли дружинниками, съ ними пировали, имъ давали помѣстья на прокормленіе, а славянъ называли смердью или рабами. Хорошимъ княземъ назывался тотъ, который былъ хорошъ съ дружиной. Первый князь, который подумалъ о благѣ всего своего края, а не только о благѣ одной своей дружины, былъ **Владиміръ;** но прежде, чѣмъ повести о немъ рѣчь, надо сказать два слова о его бабкѣ великой княгинѣ Ольгѣ.

Во время малолѣтства Святослава, правила Русью мать его—великая княгиня **Ольга** Была она женщина мудрая и твердая: начала съ того, что по-

шла войной на дикое племя Древлянъ, чтобы отомстить за смерть мужа своего Игоря, который былъ ими убитъ; потомъ занялась благоустройствомъ своей земли и, наконецъ, уразумѣвъ все безобразіе язычества, отправилась въ Константинополь и приняла, въ 957 году, христіанскую вѣру; воспріемникомъ ея былъ самъ греческій императоръ Константинъ, прозванный Багрянороднымъ. Во святомъ крещеніи великая княгиня Ольга наречена была **Еленой,** а послѣ смерти, православною церковью, причислена къ лику святыхъ.

Послѣ смерти храбраго Святослава, который былъ убитъ Печенѣгами, Русь чуть было не раздѣлилась между тремя его сыновьями: **Ярополкомъ, Олегомъ** и **Владиміромъ;** но, по тогдашнему дикому обычаю, братъ пошелъ на брата: Ярополкъ убилъ Олега, а Владиміръ извелъ Ярополка, взялъ за себя его невѣсту и остался царствовать одинъ.

Владиміра, древніе лѣтописцы наши, сравниваютъ съ царемъ Соломономъ: съ молода велъ онъ жизнь буйную и веселую, пиры задавалъ такіе, что про нихъ до сихъ поръ въ сказкахъ говорится, имѣлъ много женъ и наложницъ и, какъ всѣ тогдашніе князья, любилъ войну. Но сердце все таки у него было помягче, чѣмъ у прежнихъ язычниковъ князей: пируя съ дружиной, онъ не забывалъ простой народъ, которому, во время этихъ

пировъ, выкатывался медъ и раздавались разныя явства.

Слава про Владиміра начала повсюду расходиться и стали къ нему съѣзжаться иноземные гости, между ними и греческіе проповѣдники, съ которыми любилъ онъ толковать; тутъ и запала ему въ душу благая мысль принять вѣру христіанскую.

При великомъ своемъ умѣ, Владиміръ, разумѣется, не могъ не почувствовать, что сосѣдніе христіанскіе государи не захотятъ считать его себѣ равнымъ, если онъ останется язычникомъ; съ этимъ вмѣстѣ на него дѣйствовали примѣръ бабки святой Елены и совѣты обратившихся уже въ христіанскую вѣру многихъ изъ окружающихъ его; а главное, хотѣлось ему взять за себя греческую царевну **Анну**, чтобы породниться съ греческимъ императоромъ; однимъ словомъ, Владиміръ, и сердцемъ и разумомъ, совсѣмъ уже былъ готовъ къ принятію святой православной вѣры; недоставало только случая; вскорѣ и случай представился: былъ онъ тогда въ войнѣ съ греками и осаждалъ городъ ихъ Корсунь; вотъ и далъ онъ обѣтъ, если возметъ городъ, воспріять святое крещеніе! Городъ былъ взятъ, Владиміръ крестился, и во св. крещеніи принявъ имя Василія, вступилъ въ бракъ съ царевной Анной.

Тутъ для Владиміра, какъ по священному писанію и для царя Соломона, наступила новая жизнь: изъ прежняго жестокаго и воинственнаго князя, онъ сдѣлался очень кротокъ и милостивъ; опасаясь

грѣха, онъ не хотѣлъ даже казнить разбойниковъ. Первой мыслью Владиміра послѣ крещенія было,— окрестить и народъ свой: началъ онъ съ того, что главнаго языческаго идола Перуна велѣлъ стащить въ Днѣпръ; этотъ идолъ былъ сдѣланъ изъ дерева, а голову имѣлъ серебряную съ золотыми усами; въ народѣ начали было роптать, стали увѣрять, что Перунъ не пойдетъ ко дну; не тутъ то было: языческій главный богъ такъ и нырнулъ прямо въ омутъ! Тутъ уже, конечно, не могло оставаться сомнѣнія и весь народъ началъ принимать святое крещеніе въ Днѣпрѣ отъ греческихъ проповѣдниковъ.

Событіе это совершилось въ 988 году; Владиміръ, какъ виновникъ онаго, наименованъ православною церковью Равноапостольнымъ и причисленъ къ лику святыхъ.

Выше сказано было, что Владиміръ былъ первый русскій князь, который подумалъ о благѣ всего своего народа, а не только о благѣ одной своей дружины. И точно: святое крещеніе, смягчивъ дикій нравъ какъ славянъ, такъ и варягъ язычниковъ, возродило ихъ для новой жизни и слило ихъ въ одну православную семью, такъ что изъ двухъ племенъ,—варяжскаго и славянскаго, содѣлался одинъ православно-русскій народъ, говорящій однимъ языкомъ и придерживающійся одной вѣры. Владиміръ также положилъ начало трехъ коренныхъ русскихъ добродѣтелей: ***былъ строителемъ церквей Божьихъ, радѣлъ о нищей бра-***

тіи и *отличался гостепріимствомъ*. Эти три добродѣтели, и доселѣ должны отличать всякаго истинно русскаго человѣка.

Владиміръ, какъ и отецъ его Святославъ, раздѣлилъ Русь между двѣнадцатью своими сыновьями; но ей не суждено еще было раздробиться: изъ сыновей Владиміра нашелся одинъ, который съумѣлъ, по примѣру отца, подчинить подъ свою единую власть всѣ удѣлы братьевъ своихъ; это былъ **Ярославъ**, прозванный *мудрымъ*.

Не легко было Ярославу возстановить порядокъ на Руси и спасти ее отъ раздробленія; пришлось ему усмирять братьевъ, которые никакъ не могли другъ съ другомъ ужиться. Началъ онъ съ того, что лишилъ отцовскаго наслѣдія и прогналъ старшаго брата своего **Святополка** (*). Этотъ извергъ, вознамѣрясь извести всѣхъ братьевъ своихъ, чтобы воспользоваться ихъ достояніемъ, уже успѣлъ убить двухъ изъ нихъ: **Бориса** и **Глѣба**, которые и причислены нашею церковью съ сонму святыхъ мучениковъ и потомъ третьяго *Святослава*. Святополкъ, послѣ изгнанія, такъ и пропалъ безъ вѣсти; въ народѣ его прозвали *окаяннымъ*.

Слишкомъ пространно было бы говорить о другихъ братьяхъ Ярослава; достаточно только знать,

---

(*) Святополкъ былъ сынъ Ярополла, но усыновленъ Владиміромъ.

что онъ соединилъ подъ свою власть всю Россію и распространилъ ее къ сѣверу и къ югу, безъ малаго такъ, какъ она обозначена на картѣ № 2-й; объ одномъ только **Изяславѣ** слѣдуетъ упомянуть, потому что о немъ придется вспомнить впослѣдствіи.

Выше сказано было, что Владиміръ, въ молодости своей, будучи еще язычникомъ, взялъ за себя невѣсту брата своего Ярополка; звали ее **Рогнѣдой,** она была дочь полоцкаго князя **Рогволода,** котораго Владиміръ также извелъ, какъ и брата своего. Рогнѣда была женщина гордая и мстительная: она, можетъ быть, и простила бы Владиміру убійство своего отца, потому что полюбила его, но не могла снести того, что онъ измѣнялъ ей, рѣдко ее посѣщалъ и вообще не держалъ съ подобающей честью. Однажды Владиміру вздумалось послѣ охоты заѣхать ночевать къ опостылой уже ему Рогнѣдѣ; ей и пришло на умъ воспользоваться этимъ случаемъ и убить его во время сна... Вотъ только что она занесла ножъ, Владиміръ и проснулся. Надо сказать, что Владиміръ въ это время уже задумывалъ принять христіанскую вѣру и совѣсть его возмущалась отъ многихъ прегрѣшеній буйной языческой молодости, однако же не могъ онъ оставить безъ наказанія коварнаго поступка Рогнѣды, и такъ: велѣлъ онъ ей готовиться на слѣдующее утро къ воспріятію казни изъ собственныхъ его рукъ! Входитъ, и что же видитъ: Рог-

нѣда сидитъ гордая, въ праздничномъ одѣяніи, а при ней на часахъ, съ обнаженнымъ мечемъ, малолѣтній ея сынъ Изяславъ!

«Отецъ!» воскликнулъ онъ: ***«ты думалъ, что ты одинъ тутъ будешь?»*** Владиміръ, умиленный этими словами младенца, отвѣтилъ ему: ***«А кто зналъ, что ты здѣсь?!..»*** и помиловалъ Рогнѣду. Вотъ этому-то Изяславу Владиміръ, по завѣщанію, оставилъ Полоцкій удѣлъ. Этотъ удѣлъ былъ вдали отъ другихъ; тамъ были такіе глухіе углы, куда и христіанская вѣра еще не проникала; въ этихъ глухихъ углахъ жила Литва и Чудь, поэтому онъ меньше другихъ удѣловъ былъ въ подчиненіи у Ярослава. Про это обстоятельство и придется вспомнить въ послѣдствіи, но пока поведемъ опять рѣчь о Ярославѣ.

Расширивъ землю русскую и пріумноживъ въ ней города, Ярославъ, по примѣру отца своего Владиміра, утверждалъ и распространялъ по всѣмъ владѣніямъ своимъ христіанскую вѣру. Кромѣ того началъ радѣть о народномъ образованіи: завелъ въ Новѣгородѣ первое училище въ Россіи для 300 отроковъ, самъ занимался наукою и многія книги священныя переписалъ собственноручно; призвалъ многихъ иноземныхъ ученыхъ, художниковъ и архитекторовъ, то-есть строителей, для возведенія храмовъ Божіихъ, изъ коихъ соборъ св. Софіи и по нынѣ красуется въ Кіевѣ. Однимъ словомъ, Яро-

славъ старался о томъ, чтобы русскій народъ сталъ на ряду съ другими тогдашними христіанскими народами; онъ достигъ этого въ той степени, что иностранные государи почли за честь породниться съ нимъ. Главная же заслуга Ярослава, которая прославила его имя на вѣки, есть: ***первое изданіе русскихъ законовъ,*** называемое—***Русскою Правдою.*** До него не было на Руси писанныхъ законовъ, какъ бываетъ у всѣхъ образованныхъ народовъ, и всякій судья, или, какъ по тогдашнему назывался — ***тіунъ,*** судилъ по своему; чаще же всего спорящіе сами между собою расправлялись: убійствамъ и неурядицѣ, разумѣется, небыло конца. Ярославъ первый ввелъ правый судъ въ своей странѣ, за что заслужилъ имя — ***Мудраго.***

Но при всей своей мудрости, Ярославъ не воспользовался горькимъ опытомъ — и опять раздѣлилъ свое государство между сыновьями; поэтому Россія раздробилась на части послѣ его смерти и водворилась въ ней, такъ называемая — ***удѣльная система.***

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ

Отъ раздробленія Руси (въ 1054 году), до начала татарскаго ига (въ 1238 году).

Прежде, чѣмъ начнемъ повѣствованіе о томъ, что произошло отъ раздробленія Россіи, необходимо разъяснить, отчего это раздробленіе называется ***удѣльной системой,*** и все то время, пока Россія была раздроблена—***удѣльнымъ періодомъ?—Удѣломъ*** называлась та часть, которую наслѣдники получали отъ умершаго князя; ***система*** есть иностранное слово, означающее—***порядокъ*** или ***обычай;*** слѣдовательно, ***удѣльная система*** значитъ: ***обычай дѣлить на части между наслѣдниками.*** Все время, пока на Руси обычай этотъ не замѣнился другимъ, по которому все государство переходитъ цѣликомъ къ старшему сыну,—называется ***удѣльнымъ періодомъ.***

Легко понять, какая неурядица произошла отъ того, что Россія раздѣлилась на части между сыновьями Ярослава и каждая часть опять роздробилась между дѣтьми этихъ сыновей. Хорошо бы

еще было, еслибъ каждый князь сидѣлъ смирно въ томъ наслѣдіи, которое досталось ему отъ отца, или, какъ по тогдашнему называлось, на своемъ ***столѣ,*** а по теперешнему—***на своемъ престолѣ;*** нѣтъ — каждый хотѣлъ попасть на ***старшій столъ!*** Самымъ старшимъ столомъ считался Кіевскій, а за кіевскимъ по порядку другіе. Сынъ, напримѣръ, хочетъ вступитъ на столъ отца, а дядя говоритъ: «я старшій въ семьѣ и мнѣ подобаетъ царствовать послѣ брата! Такимъ образомъ, никто не заботился объ усовершенствованіи своей части, потому что при удобномъ случаѣ, каждый старался ее промѣнять на лучшую. Разумѣется, при этомъ князья то и дѣло, что воевали другъ противъ друга. Народъ считалъ этихъ князей, только за старшинъ и судей, и часто случалось, что одного князя удалятъ, а другаго пригласятъ на его мѣсто. Въ Новгородѣ и Псковѣ такъ это уже и въ обычай вошло: на ***вѣчѣ,*** т. е. на міру выбирать себѣ князей; вотъ отчего эти два города называли себя ***вольными городами.*** Однимъ словомъ, Россія, которая при Ярославѣ сдѣлалась-было могучей державой наравнѣ съ другими европейскими государствами, упала опять почти до прежняго безсилія. Одна только христіанская вѣра ее охраняла, потому что по монастырямъ и между духовенствомъ поддерживалось образованіе и грамотность, которую ввелъ въ нее Ярославъ. Такимъ образомъ, при сынѣ его Изяславѣ, въ кіево-печерскомъ монастырѣ, который имъ

основанъ, появился ученый мужъ: ***преподобный Несторъ, первый русскій лѣтописецъ.***

До Нестора письменной исторіи небыло въ Россіи: онъ первый началъ ее писать и она дошла до насъ въ подлинникѣ; по ней знаемъ мы, что дѣлалось въ каждомъ отдѣльномъ маленькомъ княжествѣ. Послѣ Нестора продолжали, по монастырямъ, писать лѣтописи; изъ всѣхъ этихъ лѣтописей и составляются теперь всѣ русскія исторіи.

Хотя Россія, послѣ смерти Ярослава, раздробилась на части между его сыновьями,—не вдругъ, однакоже, мало-по-малу пришла она въ разстройство. Сыновья Ярослава еще помнили кое-какъ завѣтъ отцовскій,—слушаться старшаго великаго князя кіевскаго; а между внуками явился даже такой, который забралъ въ руки всѣхъ своихъ родичей: звали его **Владиміромъ,** а по прозванью—**Мономахъ,** что по русски значитъ ***единоборецъ.*** Онъ былъ такъ уменъ, что съ разу понялъ, что русскіе великіе князья до тѣхъ поръ не будутъ считаться равными другимъ христіанскимъ государямъ, пока не будутъ, подобно имъ, вѣнчаны на царство, то-есть, коронованы. И точно: коронованіе есть священный обрядъ, по которому государь признается Богопомазанникомъ; Владиміръ, по этой причинѣ и короновался. Какъ Владиміра-Мономаха уважали не только на Руси, но и въ чужихъ краяхъ, доказательствомъ можетъ служитъ то, что императоръ греческій Алексѣй

Комнинъ прислалъ ему для коронованія—корону, державу, скипетръ и древнія бармы, коими до нынѣ украшаются самодержцы наши въ день торжественнаго вѣнчанія на царство.

О Владимірѣ-Мономахѣ лучше всего можно судить изъ *поученія,* которое онъ оставилъ дѣтямъ своимъ и которое, благодаря древнимъ лѣтописцамъ нашимъ, дошло до насъ слово въ слово. Изъ этого поученія видно, что Владиміръ-Мономахъ былъ не только образцомъ русскаго князя и богатыря, но даже искуснѣе въ священномъ писаніи и мудрѣе многихъ теперешнихъ ученыхъ, хотя жилъ болѣе чѣмъ за 700 лѣтъ до насъ! Всего *поученія* здѣсь не вписать, но для любопытныхъ вотъ нѣсколько отрывковъ изъ онаго, какъ образецъ тогдашней рѣчи и величія Владиміра:

Поученіе... *Дѣти мои, или инъ кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеся, а приметъ е въ сердце свое. Первое, страхъ имѣйте Божій въ сердци своемъ и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру. Не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ безаконье. Луче есть приведнику малое, паче богатства грѣшныхъ многа. Научися, вѣрный человѣче, по евангельскому словеси, очами управленіе, языку удержанье, уму смиренье, тѣлу порабощенье, гнѣву погубленье, помыслъ чистъ имѣти, понуждаяся на добрая дѣла, Господа ради:... терпи, моли, умертви грѣхъ,*

избавите обидима, судите сироть, оправдайте вдовицю. Господь нашъ показалъ на врагы побѣду, тремя дѣлы добрыми: покаяньемъ, слезами и милостынею. Не лѣнитеся, молю васъ, не забывайте трехъ дѣлъ тѣхъ... Паче всего гордости не имѣйте въ сердци и умѣ, но рцѣмъ: смертни есмы, днесь живы, а заутра въ гробъ. Старыя чти яко отца, а молодая яко братью. Въ дому своемъ не лѣнитеся, на войну вышедъ, не лѣнитеся, ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью, а рано встанѣте, а оружья не снимайте съ себе, внезапу бо человѣкъ погыбаетъ. Лжѣ блюдися и пьяньства и блуда, въ томъ бо душа погыбаетъ и тѣло. Жены своя любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы страхъ Божій имѣйте выше всего.

«А се вамъ повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой».

(Тутъ Владиміръ говоритъ, что воевалъ и былъ въ походахъ 13 лѣтъ, потомъ подробно разсказываетъ всѣ свои походы; далѣе продолжаетъ:)

«Конь дикихъ своима рукама связалъ есмь, тура мя два метали на рогахъ и съ конемъ, олень мя одинъ бодалъ, а два лоси, одинъ ногами топталъ, а другой рогами бодалъ, вепрь, ми на бедрѣ мечь отъялъ, медвѣдь ми у колѣна укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры... и Богъ невредима мя съблюде. И съ коня много падахъ, голову си разбихъ дважды, въ юности своей не блюлъ живота своего, не ща-

дилъ головы своея. На войнѣ и на ловахъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя, самъ творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ и въ дому своемъ; тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмь силнымъ обидѣти, и церковнаго наряда и службы самъ есмь призиралъ... Не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю Бога, иже мя грѣшнаго сблюдъ отъ тѣхъ часъ смертныхъ... Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни отъ звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы Богъ подастъ, оже бо язь отъ рати и отъ звѣри и отъ воды, то никто же васъ не можетъ вредитися и убити, понеже не будетъ отъ Бога повелѣно; а иже отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мать, ни братья не могутъ отъяти... Упованье мое Богъ, прибѣжище мое Христосъ, покровъ мой Святый Духъ... Помилуй мя, Господи, помилуй, егда хощеши судити, не осуди мя въ огнь и не обличи мене яростью си... О Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, ему же подобаетъ честь и слава, Отцю и Сыну Святому Духу, всегда и нынѣ, присно, вѣкъ.»

Это поученіе Владиміра Мономаха такъ прекрасно, что всякій, занимающійся исторіей русскаго народа, долженъ вникнуть въ него, будь онъ князь, вельможа, солдатъ или пахарь! Да вникнутъ въ него и тѣ, которые полагаютъ, что русское молодечество состоитъ только въ томъ, чтобы заломя шапку на бекрень, размахивать полами, да

голосить на всю улицу—что-де трудно жить на свѣтѣ!.. Нѣтъ! Образецъ русскаго молодечества и русской добродѣтели представляетъ намъ въ лицѣ своемъ великій князь Владиміръ-Мономахъ: ***въ бой идетъ улыбаючись, а въ храмъ Божій слезно плачущи; медвѣдя ломаетъ и нищую братью призрѣваетъ!*** Вотъ почему мы и ставимъ его на самомъ видномъ мѣстѣ въ нашей скромной исторіи русскаго народа.

Грустное зрѣлище представляетъ намъ Россія послѣ смерти Владиміра-Мономаха: что ни князь, хоть самый мелкій—называетъ себя великимъ княземъ; братъ идетъ на брата, племянникъ на дядю; кіевскаго великаго князя и не считаютъ уже себѣ головою; мелкимъ князьямъ и счету нѣтъ, однихъ главныхъ насчитываютъ до одиннадцати; на картѣ № 2-й эти одиннадцать княжествъ ясно обозначены. Въ ***хронологической таблицѣ,*** по настоящему слѣдовало бы всѣхъ князей, которые вмѣстѣ царствовали по разнымъ мѣстамъ Россіи, поставить рядомъ, и такъ вести отъ каждаго его наслѣдниковъ; но это было бы безполезно, потому что никто не запомнилъ бы столько именъ. Поэтому мы повели одну только главную линію; а когда Россія раздвоилась на двѣ главныя части, то и линію мы раздвоили на двѣ главныя части; но объ раздвоеніи Россіи рѣчь впереди. Теперь поговоримъ о томъ, что послужило причиной къ этому раздвоенію.

На больное дерево нападаетъ червь; когда въ семействѣ растройство, тогда сосѣди заводятъ съ нимъ тяжбу; такъ и съ государствами: какъ только въ нихъ начнется раздробленіе, сосѣди стараются воспользоваться этимъ, чтобы поживиться раздробленными частичками! Россію уже давно сторожили два врага; враги эти съ завистью глядѣли какъ она, подъ единодержавіемъ Ярослава и подъ мудрымъ управленіемъ Владиміра Мономаха, начинала возвеличиваться надъ другими народами; они стерегли то время, когда настанетъ въ ней внутренняя разладица, чтобы съ двухъ сторонъ на нее напасть и не дать ей окончательно укрѣпиться; они предчувствовали, что какъ только Россія укрѣпится, то съ ней ничего не подѣлаешь. Враги эти были ***латинство*** съ одной стороны, а съ другой ***язычество***, которое послѣ перешло въ ***магометанство.***

Понятно почему язычники были противу Россіи, которая отъ нихъ отступилась и приняла православіе: они боялись, что Россія будетъ между ними распространять православіе и подчинитъ ихъ себѣ. Но отъ чего врагомъ православной Россіи является латинство, тогда какъ и ***православіе*** и ***латинство*** — обѣ вѣры христіанскія? Это мы сейчасъ пояснимъ.

Восемь сотъ лѣтъ слишкомъ послѣ Іисуса Христа, вѣра христіанская еще оставалась чистою и нераздѣльною, по правиламъ завѣщаннымъ святыми апостолами; архіереи, пріемники апостоловъ,

свято хранили церковный чинъ, ими установленный; а если случались недоразумѣнія—собирались въ соборы, на которыхъ, осѣненные благодатью Божіею, разрѣшали эти недоразумѣнія. Но вѣра христіанская болѣе и болѣе разпространялась и съ распространеніемъ ея начались въ ней расколы; эти расколы усилились до того, что римскій митрополитъ, называемый ***папой***, провозгласилъ себя главою церкви и потребовалъ, чтобы ему подчинился митрополитъ Цареградскій, который именовался ***патріархомъ***, и другіе патріархи и епископы. Патріархи отвѣтствовали, что глава церкви только одинъ — Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ. Тогда папа римскій дошелъ до такого дерзновенія, что объявилъ себя ***непогрѣшимымъ***, то есть безъ-грѣшнымъ, какъ самъ Спаситель. Послѣ этого и раздѣлилась церковь Христова на двѣ части: одна часть греческая осталась при старыхъ обычаяхъ и называется ***православной***, другая часть—римская, отошла къ папѣ и прозвала себя ***католической***, то-есть всеобщею; а мы ее называемъ также и ***латинской***, потому что служба идетъ въ ней по-***латыни***.

Раздѣленіе церкви произошло незадолго передъ тѣмъ, какъ основалась Россія; когда Владиміръ окрестилъ ее, то онъ выбралъ вѣру ***греческую православную;*** съ тѣхъ-то поръ ***латинская католическая*** церковь и глава

этой церкви, ***римскій папа***, возненавидѣли Россію—за то, что она къ нему не пристала.

Объяснивъ вражду ***язычества*** и ***латинства*** противъ ***православія,*** которое укоренилось въ Россіи, нечего и говорить, какъ возрадовались эти двѣ вражьи силы, что Россія раздробилась и ослабла чрезъ домашнюю неурядицу!

Началось съ ***язычества:*** дикіе ***Половцы*** напали на Россію съ восточной стороны, но съ половцами наши князья еще справлялись: Владиміръ Мономахъ и другіе князья нѣсколько разъ ихъ усмиряли. Гораздо хуже было съ западной стороны: оттуда начало дѣйствовать латинство, но не открытой силой, а хитростью.

Такъ какъ ***латинство*** и по сіе время не перестаетъ дѣйствовать противъ Россіи, то не безполезно пространнѣе разсказать, какъ оно начало свои дѣйствія.

Пока еще Россія не раздробилась и была сильна единодержавіемъ, римскій папа не касался ея, а началъ дѣйствовать на сосѣдніе славянскіе народы и успѣлъ привлечь къ себѣ Польшу: онъ обѣщалъ польскимъ королямъ свое покровительство и помощь, если они сдѣлаются католиками; они поддались и весь свой народъ обратили въ католическую вѣру. Съ тѣхъ поръ Польша отдѣлилась отъ своихъ братьевъ православныхъ славянъ, чего только и добивался римскій папа, чтобы у самой границы Россіи имѣть собѣ союзника. Когда Россія раздробилась, то папа римскій уже прямо

началъ дѣйствовать противъ нея, пользуясь ея слабостью. Разумѣется онъ избралъ самую слабую страну, а именно: полоцкое княжество, которое давно уже шло особнякомъ отъ другихъ русскихъ княжествъ, и въ которомъ еще много было язычниковъ изъ чудскаго и литовскаго племени: (когда рѣчь еще шла о раздѣленіи Русси между сыновьми святаго Владиміра, мы упомянули о Изяславѣ, которому досталось полоцкое княжество и просили объ этомъ обстоятельствѣ припомнить для переда: вотъ теперь о полоцкомъ княжествѣ и пришлось къ слову).

Римскій папа очень хорошо взялся за дѣло: въ то время, то есть около 1200 года, было въ Европѣ много рыцарей, которые, во имя Христово, ходили въ дальнія страны драться противъ язычниковъ и мусульманъ и распространять вѣру Христову. Эти рыцари, кромѣ вѣры, иногда думали и о благахъ земныхъ: однимъ словомъ—частенько разбойничали, но на плащахъ своихъ нашивали большой крестъ и потому назывались ***крестоносцами;*** подъ видомъ благочестія они не женились и имѣли начальниками ***епископовъ*** или, какъ они ихъ по своему называли, ***бискуповъ.*** Вотъ такихъ-то ***крестоносцевъ,*** подъ начальствомъ ***бискупа*** Албрехта, римскій папа и направилъ моремъ ко владѣніямъ Полоцкаго князя, подъ предлогомъ обращать въ христіанство подданныхъ его язычниковъ чудскаго и литовскаго племени. Бискупъ явился не врагомъ, а какъ будто

съ добрымъ намѣреніемъ помочь полоцкому князю въ христіанскомъ дѣлѣ, и послалъ ему даже пословъ съ подарками и поклономъ; полоцкій князь, въ простотѣ души своей, повѣрилъ ему и позволилъ своихъ подданныхъ язычниковъ обращать въ христіанскую вѣру. Но потомъ и самъ былъ не радъ: непрошенные гости основались въ чудской землѣ, стали не только однихъ язычниковъ, но и православныхъ приневоливать въ латинскую вѣру, такъ, что пришлось противу нихъ воевать.

Итакъ, мы дошли до того времени, какъ внутри Россіи сдѣлался полный разладъ: князья ссорятся и воюютъ между собою; съ востока нападаютъ на Русь язычники половцы, а съ запада католики—поляки и крестоносцы; великаго князя кіевскаго перестаютъ признавать своимъ главою другіе князья, которые тоже принимаютъ титулъ великихъ князей. При такихъ обстоятельствахъ, всѣ силы русскія изъ середины хлынули къ границамъ западной и восточной, чтобы воевать противъ враговъ и, разумѣется, пограничныя княжества начали становиться сильнѣе серединнаго великаго княжества кіевскаго, которое то и дѣло что переходитъ изъ рукъ въ руки.

На восточной границѣ начало дѣлаться сильнѣе Кіевскаго ***Суздальское княжество,*** а на западной—***Полоцкое и Галицкое.*** Основателемъ суздальскаго княжества былъ **Юрій Долгорукій;** сынъ его **Андрей,** по прозванію **Боголюбскій,** первый понялъ, что все несчастіе Рос-

сіи происходило отъ удѣльной системы: онъ первый пересталъ раздавать удѣлы и подобралъ въ свои руки и Кіевъ и Новгородъ. Тутъ кстати надо упомянуть о томъ, что Юрій Долгорукій построилъ городъ Москву въ 1147 г. Понятно, что Москва тогда еще была въ родѣ деревушки.

Андрей Боголюбскій могъ, разумѣется, только имѣть вліяніе на восточныхъ русскихъ князей; у западныхъ князей были свои дѣла съ Польшей и съ крестоносцами. Кромѣ того между западными князьями явились тоже такіе, которые, какъ Боголюбскій, начали понимать, что врозь ничего не подѣлаешь, а надо основать настоящее государство, какъ вездѣ дѣлалось въ Европѣ. Эти князья были Галицкіе; ихъ начинали уже бояться въ Польшѣ и за границей, въ особенности при **Даніилѣ Романовичѣ,** который провозгласилъ себя королемъ Галицкимъ. Объ немъ придется намъ говорить и въ слѣдующемъ періодѣ, потому что царствовалъ онъ болѣе пятидесяти лѣтъ.

Съ такими князьями, какъ Даніилъ Романовичъ или какъ Суздальскіе потомки Андрея Боголюбскаго, Россія можетъ быть и соединилась бы въ одно государство: потому что и тѣ и другіе начали понимать, что съ удѣльной системой слѣдуетъ покончить; но на бѣду разразилась надъ Русью святой страшная гроза! Вмѣсто половцевъ, съ которыми, какъ сказано выше, наши князья справлялись, съ востока, въ 1224 году, явились татары.

Татары явились въ несмѣтномъ количествѣ изъ дальнихъ азіатскихъ странъ, подъ предводитель-

ствомъ кровожаднаго Чингисхана, и сперва напали на Половцовъ; Половцы, хотя находились во враждѣ съ русскими Князьями, начали просить у нихъ помощи, говоря, что если татары ихъ разобьютъ, то накинутся потомъ и на русскія земли. Между рускими князьями былъ **Мстиславъ Галицкій**, князь, который по храбрости своей, получилъ прозвище ***удалаго;*** онъ, не много думавъ, созвалъ еще нѣсколькихъ Русскихъ князей и пошелъ на татаръ!

Встрѣтилась Русская рать съ татарскою на берегахъ рѣки Калки, у Азовскаго моря—битва была страшная: восемь русскихъ князей пали на полѣ битвы, однихъ Кіевлянъ убито до 10,000, а другимъ и счету нѣтъ. «***Се же бысть намъ за грѣхы наша, Богъ вложи недоумѣніе въ насъ, и погибе множество людій, и бысть вопль и воздыханіе и печаль по всѣмъ градомъ и по волостемъ...***» Такъ повѣствуетъ лѣтописецъ о пораженіи русскихъ татарами при рѣкѣ Калкѣ.

Послѣ битвы подъ Калкою татары однакоже удалились за Волгу и только чрезъ 12 лѣтъ вторично напали на Россію. Вотъ тогда-то и началось настоящее ***татарское иго,*** о которомъ будемъ разсказывать въ слѣдующемъ періодѣ.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ

РАЗДВОЕНІЕ РОССІИ, ЛАТИНСТВО И ТАТАРЩИНА.

(Отъ начала ига татарскаго въ 1238 году, до избавленія Россіи отъ онаго въ 1480 году).

Мы дошли до того грустнаго періода, когда Россія, ослабленная черезъ раздробленіе на мелкія княжества, уже не можетъ устоять противу враговъ внѣшнихъ и, вслѣдствіе напора съ одной стороны татаръ, а съ другой латинства, раздваивается, то есть—раздирается на двѣ части: на ***западную Русь*** и на ***Русь восточную*** (см. карту № 3).

Изъ всего, что до сихъ поръ было разсказано, внимательный читатель уже могъ догадаться, что съ перваго же нашествія татаръ съ востока, а крестоносцевъ съ запада, несчастной Россіи долго нельзя было устоять! Все шло къ тому, чтобъ разорваться ей на двѣ части: единства въ князьяхъ не было; тѣ, на которыхъ напали татары, занялись ими, а съ крестоносцами справлялись другіе. То ли дѣло было бы при единодержавномъ одномъ князѣ, какъ напримѣръ при Ярославѣ или Влади-

мірѣ? Направилъ бы онъ всѣ силы сперва противъ одного врага, а потомъ противу другого и поочереди разбилъ бы обоихъ. Единство—великая сила!

Въ наше время все могущество Россіи въ единствѣ: нападетъ непріятель—кликнетъ царь: вся Россія востанетъ какъ одинъ человѣкъ! Ну что съ ней тогда подѣлаешь? Въ двѣнадцатомъ году французы дошли до Москвы: дошли... и со срамомъ должны были воротиться! А недавно, въ крымскую кампанію, и Севастополь взяли... да уразумѣли, что въ немъ не приходится имъ оставаться, и опять отдали... Вся сила въ единствѣ!

Страшна врагу единая Россія... но, раздробленная на мелкія княжества, не устояла она и противъ татаръ

Уже, въ первое свое нашествіе, татары могли бы покорить полъ-Россіи, но Богъ спасъ тогда святую Русь: татары, опустошивъ ее, вернулись опять за Волгу. Стоило только князьямъ нашимъ, наученнымъ горькимъ опытомъ, подчиниться всѣмъ Даніилу Галицкому или Владимірскому князю, потомку Андрея Боголюбскаго (*),—навѣрное татары не покусились бы на Россію! Но вражда слишкомъ укоренилась между западными князьями и восточными: они уже ни какъ не могли подчиниться другъ другу!.. Враги внѣшніе опять воспользовались этой враждой между князьями, и чрезъ 13 лѣтъ послѣ

(*) Здѣсь припомнимъ читателю то, что говорено уже было о Даніилѣ и потомкахъ Андрея Боголюбскаго, которые, понявъ, что все зло происходитъ отъ удѣльной системы, то ееть: раздробленія Россіи, старались основать единодержавіе.

перваго нашествія, татары появились вторично, подъ начальствомъ грознаго Батыя.

Прежде всего онъ напалъ на рязанскія земли: это было въ 1237 году. Рязанскіе князья встрѣтили татаръ молодцами; посланникамъ Батыя, которые съ нихъ требовали дани по десятой части со всего имущества они отвѣтили: «*коли насъ не будетъ, то все ваше будетъ!*» Отвѣтивъ такимъ образомъ, послали они просить помощи у великаго князя владимірскаго **Юрія**, но онъ не пошелъ и былъ зло наказанъ за это судьбою: Батый сперва побилъ рязанскихъ князей, а потомъ и Юрія разбилъ на рѣкѣ Сити въ 1238 году и эта битва была еще страшнѣе той, которая за 14 лѣтъ происходила при рѣкѣ Калкѣ: самъ Юрій былъ на ней убитъ и много другихъ князей легло съ нимъ; отъ этой битвы можно считать начало *ига татарскаго* надъ Россіей. Послѣ того Батый началъ покорять и разорять одинъ за другимъ русскіе города и налагать на нихъ дань: взялъ Рязань, Москву, Владиміръ, и недойдя до Новагорода, повернулъ отъ него внизъ; тутъ разгромилъ онъ Черниговъ, Кіевъ и разбилъ самаго Даніила Галицкаго, который одинъ еще изъ русскихъ великихъ князей не хотѣлъ ему платить дани.... Словомъ, Батый сдѣлался, такъ сказать—владѣтелемъ Россіи: бралъ дань, раздавалъ княжества, назначалъ великихъ князей!

Такимъ образомъ, Батый назначилъ великимъ княземъ всероссійскимъ **Ярослава**, который сѣлъ

на владимірскій престолъ послѣ убіенія, подъ Ситью, брата своего **Юрія.**

Возведеніемъ Ярослава въ великіе князья всероссійскіе, Батый, самъ того не вѣдая, могъ бы сдѣлать великое благо для Россіи, потому что, назначивъ одного главнаго надъ всѣми другими князьми, онъ этимъ уничтожилъ удѣльную систему, отъ которой произошло все зло и вся слабость Россіи. Но на бѣду, съ другой стороны, ***латинство*** не дремало: католики-нѣмцы и поляки—работали въ западной Россіи; они что могли, то завоевывали оружіемъ, а гдѣ подъѣзжали лестью.

Подъѣхали они лестью къ знаменитому **Даніилу Галицкому:** самъ папа римскій возвелъ его изъ князей въ короли, обѣщая свое покровительство, съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ латинскую вѣру. Даніилъ былъ хитрый политикъ: онъ принялъ титулъ короля и притворился, что не прочь и отъ латинской вѣры, но когда испыталъ, что католики-поляки и самъ папа не могли ему помочь противъ грознаго Батыя, то наилучшимъ счелъ повернуть хвостомъ, какъ лисица, и отправиться просить милости у самаго Батыя, папѣ же римскому приказалъ сказать, что никогда и не думалъ мѣнять православной своей вѣры на латинство!

Батыя чрезвычайно польстило то, что тотъ самый Даніилъ, который, одинъ изъ всѣхъ князей русскихъ, сперва съ гордостью отказался платить ему дань, теперь обратился къ нему съ просьбою о милости; онъ въ награду за это назначилъ его,

какъ и Ярослава владимірскаго, великимъ княземъ всероссійскимъ.... Такимъ образомъ, явилось два великихъ князя всероссійскихъ и оба назначенные тѣмъ же Батыемъ! Тутъ уже разрывъ Россіи на двѣ части, такъ долго подготовлявшійся, совершился окончательно.

Однако могло еще случиться, что кто нибудь изъ потомковъ Ярослава или Даніила возьметъ верхъ и опять соединитъ обѣ части Россіи въ одно цѣлое государство, возсѣвъ на старый кіевскій престолъ, потому что и Ярославъ и Даніилъ были прямые потомки старыхъ векикихъ князей кіевскихъ. Но этого не случилось, потому что Даніилъ въ потомкахъ своихъ былъ наказанъ Всевышнимъ за то, что лясничалъ предъ католиками: Галицкое княжество изъ рода его перешло къ этимъ же католикамъ-полякамъ, а вмѣсто Галицкаго сдѣлалось главнымъ въ западной Россіи, княжество Литовское. Въ то время, въ восточной Россіи, главное Владимірское княжеетво замѣнилось Московскимъ; Кіевъ же окончательно сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ простаго губернскаго города. Тогда уже всякая надежда на соединеніе обѣихъ частей Россіи лопнула: объ Кіевѣ и рѣчи не могло быть, такъ какъ на востокѣ возродилось сильное Московское великое княжество, со столицей Москвою; а на западѣ столь же сильное — Литовское, со столицей — Вильною.

До сихъ поръ, хотя Россія была раздроблена на мелкія княжества, можно было разсказывать исторію ихъ всѣхъ за одно, потому что эти кня-

жества были всѣ въ родствѣ; но теперь, какъ Россія раздвоилась на два совершенно отдѣльныя государства: на ***Московскую Русь*** и на ***Литовскую Русь,***—необходимо сперва разсказать исторію одной Руси, а потомъ другой.... Вмѣстѣ вышла бы большая путаница, потому что у каждой Руси были свои особые государи и дѣла происходили особенныя.

Прежде, однако, чѣмъ начать двѣ отдѣльныя исторіи двухъ отдѣльныхъ Россій, надо досказать про то время, о которомъ идетъ рѣчь. Пока Ярославъ и Даніилъ унижались предъ Батыемъ, явился на сѣверѣ одинъ русскій князь, который утѣшалъ Россію въ ея горѣ и своими подвигами выкупалъ позоръ, нанесенный ей татарами! «***Возрастъ его паче инѣхъ человѣкъ,***» говоритъ лѣтописецъ: «***гласъ его яко труба въ народѣ, лице же его бѣ яко Іосифа прекраснаго, сила же бѣ его вторая часть отъ силъ Самсона; и далъ ему бѣ Богъ премудрость Соломоню, храбрость же его яко царя Римьскаго Еуспасьяна***»... Вотъ каковъ былъ **Александръ,** сынъ великаго князя Ярослава! Отецъ послалъ его ***княжить,*** то-есть, быть княземъ, въ Новгородѣ. Шведы и нѣмецкіе рыцари, видя, что русскіе совсѣмъ уныли и потеряли бодрость послѣ разгрома татарскаго, начали тоже съ своей стороны на нее напирать: шведы пришли изъ-за моря къ тѣмъ

мѣстамъ, гдѣ теперь Петербургъ; Александръ ударилъ на нихъ и разбилъ на-голову, при рѣкѣ Невѣ, за это и получилъ прозваніе ***Невскаго***: это было въ 1240 году. Спустя два года, онъ повернулъ на нѣмецкихъ рыцарей, ихъ также покорилъ. Православная церковь причислила Александра Невскаго къ лику святыхъ, потому что онъ всегда начиналъ всякое дѣло и выходилъ на войну съ теплой молитвой; а небесныя силы видимо помогали ему и сохраняли, какъ при жизни, такъ и по смерти, ибо мы и днесь поклоняемся нетлѣннымъ мощамъ его, которыя покоятся въ Петербургѣ, въ Александро-Невской Лаврѣ.

Кстати упомянемъ здѣсь—какимъ образомъ вели войну въ тѣ древнія времена, о которыхъ идетъ рѣчь.

Пороха еще тогда не было выдумано, все оружіе было холодное: мечи, копья, стрѣлы, которыя пускались изъ лука—и ***пороки;*** эти ***пороки*** замѣняли нынѣшнія пушки: изъ нихъ, посредствомъ какой-то, неизвѣстной теперь, механики, пускались камни и иногда горшки съ горячей смолой. Войска регулярнаго было мало: были тѣлохранители князя, которые назывались ***дружиной*** и всегда въ бою были съ княземъ впереди; кромѣ того, были ***мечники,*** которые воевали съ мечами, ***копѣйщики***—съ копьями и ***стрѣлки***—со стрѣлами; остальные ратники или ***вои,*** какъ они прозывались, были набираемы изъ горожанъ и мужиковъ, какъ въ наше время набирается опол-

KNIHOVNA

ченіе. Войско все раздѣлялось на полки: середину занималъ ***великій полкъ,*** что теперь называется центромъ; фланги назывались ***крылами;*** такимъ образомъ, было ***правое крыло*** и ***лѣвое крыло; авангардъ*** назывался ***сторожевымъ полкомъ.*** Передъ началомъ битвы князья распускали свои ***стяги,*** то-есть, знамена; по этому сигналу шелъ въ атаку сторожевой полкъ, пуская какъ можно больше стрѣлъ, потомъ схватывались въ рукопашную; затѣмъ старались обойдти непріятеля и великій полкъ довершалъ побѣду. Чтобы брать крѣпость, вмѣсто теперешнихъ траншей и батарей, строили большія деревянныя башни, которыя назывались ***городами;*** изъ этихъ ***городовъ*** дѣйствовали ***порокамп*** и пускали въ крѣпость стрѣлы, потомъ ломали ворота и дѣлали подкопы, чтобы стѣна обрушилась, либо поджигали ее, если она была деревянная. Были еще, такъ называемые, ***гуляй-города:*** это были ***города,*** или стѣны, которые возились передъ полками, для прикрытія ихъ, на телѣжныхъ ходахъ или на саняхъ. Передъ битвой всегда возсылалась къ Богу теплая молитва и призывалась на помощь Пречистая Дѣва Марія.

Приступимъ теперь къ отдѣльной исторіи каждой изъ двухъ частей, на которыя раздѣлилась Россія; начнемъ съ исторіи ***Западной Литовской Руси,*** потому что въ этой исторіи будетъ перерывъ, тогда какъ исторія ***Восточной***

Московской Руси пойдетъ, не прерываясь, до нашего времени.

ЗАПАДНАЯ ЛИТОВСКАЯ РУСЬ.

Читатель помнитъ о Полоцкомъ великомъ княжествѣ, которое досталось въ удѣлъ **Изяславу**, сыну Владиміра Святаго и Рогнѣды; помнитъ также, что въ этомъ княжествѣ было, между прочими, дикое литовское племя: оно жило въ лѣсахъ и въ болотахъ и до того было бѣдно, что платило дань полоцкимъ князьямъ лыкомъ и вѣниками; про Галицкое великое княжество, съ знаменитымъ его княземъ Даніиломъ, мы только что говорили.

На Полоцкое великое княжествое. какъ мы видѣли, давно уже напирали крестоносцы, мало помало забирая у него земли и распространяя латинскую вѣру; на Галицкое великое княжество напирали поляки и другіе латинскіе сосѣди; Литву же никто не трогалъ: ни крестоносцамъ, ни полякамъ, ни татарамъ не было охоты забираться въ въ ея непроходимые лѣса и болота. Такимъ образомъ, Литва укрѣплялась и множилась; явились въ Литвѣ князья изъ роду полоцкихъ, удаленныхъ въ прежнія времена изъ своихъ владѣній во время смутъ. Эти князья между своими подданными язычниками отстали отъ своей православной вѣры и также сдѣлались язычниками; наконецъ, Литва съ этими князьями до того стала сильна, что уже не она платила дань Полоцку, а Полоцкъ ей покорился. Часть владѣній галицкихъ

князей, которая уцѣлѣла отъ поляковъ и другихъ католиковъ, также перешла во власть литовско-русскихъ князей.

И вотъ уже, въ 1320 году, является единодержавный великій князь **Гедиминъ**, который властвуетъ надъ половиной Россіи, подъ названіемъ великаго князя литовско-русскаго. Гедиминъ былъ язычникъ, изъ угоды къ литовскимъ своимъ подданнымъ, но русскій князь по происхожденію: душа его лежала къ Православію и ко всему русскому. Такимъ образомъ, онъ строилъ православныя церкви въ столицѣ своей Вильнѣ, дозволялъ сыновьямъ своимъ креститься, у себя въ домѣ придерживался русскимъ обычаямъ и велъ всѣ государственныя дѣла на русскомъ языкѣ; такъ что въ Литовско-русскомъ государствѣ, и при немъ и послѣ него, никогда не было даже письменности литовской: одна только и была письменность русская.

Сынъ Гедимина, **Олгердъ**, до того сдѣлался могуществен, что совсѣмъ избавилъ Западную Русь отъ татаръ и началъ помышлять о соединеніи во едино обѣ Россіи: и западную и восточную. Если бы это помышленіе Олгерда состоялось, отъ сколькихъ бѣдъ сохранилась бы Россія! Однимъ разомъ избавилась бы она и отъ татаръ и отъ латинства, Кіевъ опять сдѣлался бы столицей!.. Но, къ несчастью, Олгердъ былъ язычникъ; а потому народъ, въ восточной Россіи, болѣе льнулъ къ московскимъ православнымъ великимъ князьямъ. Олгердъ, впрочемъ, передъ смертію принялъ православіе, же-

натъ былъ на православной тверской княжнѣ Уліаніи и подобно отцу радѣлъ о церкви Божіей. Дикое было тогда время: русская православная княжна вышла замужъ за язычника Олгерда... Теперь и простая православная крестьянка не выйдетъ за калмыка! Вообще въ западной Литовской Россіи народъ былъ слабже въ вѣрѣ, чѣмъ въ восточной Московской Россіи. Это оттого происходило, что къ западной Россіи примѣшались язычники-литвины, а по границѣ жили католики-крестоносцы и поляки: они мутили не только простой народъ, но и самихъ князей.

Смутили поляки сына Олгерда, **Ягайлу**, въ православномъ крещеніи нареченнаго Яковомъ; дѣло было такъ поведено: у польскаго короля осталась одна дочь **Ядвига**, сыновей не было; пришли къ Ягайлѣ польскіе послы и стали уговаривать его жениться на Ядвигѣ, говоря ему, что онъ чрезъ этотъ бракъ сдѣлается могущественнѣйшимъ королемъ, потому что соединитъ польскій престолъ съ литовско-русскимъ. Ягайлѣ, разумѣется, это предложеніе понравилось; тогда послы стали ему говорить, что Ядвига соглашается за него выйдти, только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ перешелъ въ латинскую вѣру и чтобы весь народъ свой обратилъ въ ту же вѣру. Слабодушный Ягайло согласился: сдѣлался вѣроотступникомъ и женился на Ядвигѣ. Самъ, отступивъ отъ вѣры православной, онъ, по обѣщанію данному Ядвигѣ, началъ и народъ свой приневоливать къ латинству; съ язычниками-литвинами онъ кое-какъ справился, но въ литовско-

русскомъ великомъ княжествѣ, литвы была только двѣнадцатая часть, остальные же подданные Ягайлы были всѣ русскіе православной вѣры, да и литвы уже много перешло въ православіе... Съ этими-то православными своими подданными, какъ ни возился Ягайло, всѣ они остались крѣпки въ своей вѣрѣ! Много въ этомъ дѣлѣ помогъ православнымъ, двоюродный братъ Ягайлы—**Витовтъ**, который оставался править Литвой, между тѣмъ, какъ Ягайлѣ, по польскимъ дѣламъ, приходилось больше жить въ Польшѣ. Витовтъ былъ, какъ говорится, коренной руссакъ, терпѣть не могъ поляковъ и, сколько могъ, ограждалъ отъ нихъ и отъ латинской вѣры свою возлюбленную Литовскую Русь и вѣру ея православную.

Но Витовта не стало—и Литовская Русь лишилась покровителя! Великіе князья литовскіе, послѣ Ягайлы, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ и королями польскими, разумѣется, покровительствовали полякамъ и латинской вѣрѣ: кто не исповѣдывалъ этой вѣры, тому не давали никакихъ должностей и чиновъ. Кромѣ того, многимъ польскимъ панамъ раздавали помѣстья по литовско-русскому краю; отъ этого произошло, что тѣ изъ православныхъ дворянъ и даже изъ княжескаго Олгердова рода, которые не хотѣли принять латинства, перешли многими сотнями на службу къ московскимъ великимъ князьямъ. Остались изъ кореннаго дворянства одни вѣроотступники, да прибывшіе польскіе паны; народъ же простой твердо держался православія.

Такъ шло до конца періода, о которомъ говоримъ.

Теперь слѣдовало бы намъ вернуться къ исторіи восточной Московской Руси, но чтобы не запутываться, лучше покончимъ сперва совсѣмъ съ исторіей западной Литовской Руси. Итакъ, будемъ продолжать, хотя и перейдемъ за 1480 годъ.

Преемники Ягайлы, какъ выше сказано, будучи католики и соединяя два титула: великаго князя литовско-русскаго и короля польскаго,—покровительствовали полякамъ и, разумѣется, латинскимъ ксензамъ. Но все-таки до послѣдняго потомка Ягайлы, до **Сигизмунда-Августа**, Польша и Литовская Россія, хотя имѣли одного государя, но каждая управлялась своими отдѣльными законами. Сигизмундъ-Августъ былъ человѣкъ слабый; этой слабостью воспользовались латинскіе ксензы и поляки, чтобы совсѣмъ заставить его забыть русское свое происхожденіе. Дошло до того, что въ 1569 году Сигизмундъ-Августъ присоединилъ совсѣмъ великое княжество Литовско-русское къ Польшѣ, то-есть, сдѣлалъ изъ него польскую губернію.

Такимъ порядкомъ, подпала западная половина Россіи подъ владычество иноземное и только, какъ мы дальше увидимъ, была возстановлена и соединена съ восточной половиной при императрицѣ Екатеринѣ Второй.

Хотя Сигизмундъ-Августъ подчинилъ западную Русь Польшѣ, хотя почти все дворянство, при немъ, уже совсѣмъ ополячилось и исповѣдывало латинскую вѣру; однако въ простомъ народѣ онъ не

могъ убить духа русскаго, духа православнаго! Римскому папѣ это было не по нутру: съ древнихъ временъ любимой его заботой было привлечь православную Россію къ латинству; съ этой цѣлью онъ и напустилъ на нее крестоносцевъ, да поляковъ... Что же вышло? Поляки пріобрѣли себѣ всю западную половину Россіи, а народъ въ ней все-таки остался православнымъ! Надо было выдумать что нибудь похитрѣе: вотъ и послалъ папа римскій въ западную Русь латинскихъ монаховъ ***іезуитскаго*** толку. Чтобы лучше всего объяснить читателю, что такое были эти ***іезуиты***, достаточно сказать, что даже между католиками имя ихъ обратилось въ бранное слово; напримѣръ, вмѣсто того, чтобы сказать: «какой ты проныра, лукавый!» говорятъ: «экой ты іезуитъ!»

Іезуиты пришли въ западную Русь, подговорили двухъ-трехъ недостойныхъ архіереевъ и начали толковать народу, что православіе ни чуть не пострадаетъ, если церковь подчинится римскому папѣ, только бы обрядовъ церковныхъ не трогали, да позволили служить по-русски! Такое ученіе іезуиты назвали ***уніей***. Нѣкоторые повѣрили; извѣстное дѣло, человѣкъ тёмный думаетъ: «римскій папа такой же митрополитъ, какъ и наши,— не все ли равно, онъ или другой, только бы въ службѣ церковной не было перемѣны!» подумаетъ и пристаетъ къ уніи, того не вѣдая, что унія тоже что латинство. Многіе, однакожъ, поняли въ чемъ дѣло и крѣпко начали стоять за право-

славіе; между ними отличался князь Константинъ Острожскій, но и того осилили! Тогда страшныя дѣла начали происходить: поляки и іезуиты замучивали людей, которые не хотѣли сдѣлаться *уніатами,* до смерти забивали православныхъ священниковъ, храмы Божьи отдавали евреямъ на откупъ... Много настрадалась западная Литовская Русь отъ поляковъ! Далѣе мы разскажемъ, какъ она наконецъ избавилась отъ ига польскаго и соединилась опять съ Русью восточной. Теперь вернемся къ исторіи сей послѣдней:

ВОСТОЧНАЯ МОСКОВСКАЯ РУСЬ.

Пока западная Русь послѣ Даніила Галицкаго, а въ особенности при Гедеминѣ, усиливалась до того, что мало по-малу освободилась отъ татаръ и перестала платить имъ дань,—Русь восточная совершенно находилась у нихъ въ подданствѣ: татарскій ханъ построилъ себѣ столицу на берегахъ Волги, подъ названіемъ Сарай, и оттуда командовалъ несчастной восточной Россіей, какъ прирожденный ея государь.

Никогда не доживали мы до такого горя и срама: князья наши ѣздили къ татарскому хану на поклоненіе, другъ на друга приносили жалобы, получали отъ него награды и мѣста; что хуже всего, изъ угоды къ хану, поклонялись по его приказанію поганымъ татарскимъ идоламъ! Вотъ что сказано въ лѣтописи: «*Обычай имѣя ханъ Батый аще кто придетъ поклонитися*

AKADEMICKÁ KNIHOVNA V PRAZE

ему, не повелѣваетъ предъся вести, но приказано (сперва) волхвамъ вести сквозь огнь и поклонитися кусту, и огневи и идоломъ ихъ. Мнози же князи и съ бояры своими идяху сквозѣ огнь, и кланяхуся огню и идоламъ, славы ради свѣта сего, и прошаху каждый себѣ власти». И получали власть, тѣ которые не противились волхвамъ и поклонялись огню да идоламъ; за то тѣхъ которые не хотѣли этого сдѣлать не только уничтожали, но даже казнили самыми лютыми казнями. Болѣе всѣхъ прославились стойкостью въ вѣрѣ великій князь **Михаилъ Черниговскій** и бояринъ его Ѳеодоръ: *«аще повелѣніе мое сотвориши»*, приказалъ сказать князю Михаилу Батый, *«живъ будеши и великое княженіе свое все воспріимеши; аще ли не проидеши сквозь огнь и не поклонишися кусту, и солнцу и идоломъ, то злою смертію умреши.—Хочу еже за Христа пострадати»*, велѣлъ отвѣтить Батыю Михаилъ, *«и за правовѣрную вѣру кровь свою пролити!* Всѣ боярѣ Михаиловы, которые любили его какъ отца начали просить его: *«поклонися, всѣ за тя опитемью пріимемъ, княже!»* Одинъ Ѳеодоръ бояринъ, напротивъ того, хвалилъ князя

за его стойкость, говоря ему: ***какая польза человѣку, аще всего міра царство пріиметъ, а душу свою погубитъ?*** Тогда князь Михаилъ и бояринъ Ѳеодоръ въ одинъ голосъ воскликнули: «***Не кланяемся, не слушаемъ васъ, а славы свѣта сего не хощемъ!***» Послѣ чего они стали: «***яко столпа непоколеблима и неподвижима!*** Озлобленные такою твердостью окаянные убійцы устремились на нихъ, начали ихъ мучить: сперва отрубили голову князю Михаилу, потомъ боярину его Ѳеодору, а тѣлеса ихъ кинули псамъ на съѣденіе. Но великое совершилось чудо: тѣлеса эти сохранились невредимы! Такимъ образомъ человѣколюбецъ Богъ прославилъ своихъ угодниковъ и возложилъ на нихъ вѣнецъ святыхъ мучениковъ. Совершилось сіе въ 1246 г., еще при жизни благовѣрнаго князя **Александра Невскаго,** о которомъ уже было говорено.

Послѣ смерти Александра Невскаго пошло еще хуже прежняго: распри между удѣльными князьями усилились; но наконецъ вошелъ на престолъ великокняжескій мудрый и благочестивый внукъ Александра,—**Іоаннъ Даніиловичъ**, прозванный ***Калитой***, потому что всегда, ради нищей братіи, носилъ при себѣ ***Калиту***, то-есть: мѣшокъ съ деньгами.

Іоаннъ Калита въ восточной Руси, точно также какъ Гедиминъ въ Руси западной, началъ уничто-

жать удѣлы и собирать свою восточную Русь въ одну державу; столицу онъ перенесъ съ этой цѣлью изъ Владиміра въ Москву, гдѣ построилъ Успенскій соборъ.

Такимъ образомъ, какъ нами было выше сказано, вмѣсто одной древней столицы всей Россіи—***Кіева,*** при раздѣленіи Россіи на ***западную*** и ***восточную,*** образовались два главные города: въ западной Россіи ***Галичъ,*** а въ восточной ***Суздаль.*** Въ западной Россіи вмѣсто ***Галича*** сдѣлалась потомъ столицею ***Вильна*** и образовалась ***Литовская западная Русь;*** въ восточной Россіи, вмѣсто ***Суздаля,*** главнымъ городомъ сдѣлался ***Владиміръ,*** а потомъ столицею окончательно сдѣлалась ***Москва***—и образовалась ***Московская восточная Русь.*** И такъ: начало Московскому государству положилъ Іоаннъ Калита въ 1328 году.

Съ этихъ поръ Московская Русь начала немного отдыхать: ослабшая прежде отъ раздробленія на мелкія княжества, какъ только эти княжества начали соединяться и подчиняться одному Московскому государю, Россія опять начала чувствовать прежнія свои силы.

Однакоже сыновья Іоанна Калиты, **Симеонъ** и **Іоаннъ II,** которые другъ послѣ друга ему наслѣдовали, неосмѣливались еще идти противу злодѣя своего татарскаго Хана, и Московская Русь все еще продолжала стонать подъ игомъ Татарскимъ,

тогда какъ литовская Русь уже совершенно освободилась отъ этого ига. Образованность и грамотность также шли хуже въ Московской Руси чѣмъ въ Руси Литовской: на Литвѣ дворянство начало перенимать у нѣмцевъ и у поляковъ ихъ вѣжливость, обычаи и разныя искуства; на Москвѣ — у татаръ нечему было хорошему научиться!

Впрочемъ, «нѣтъ худа безъ добра!» говоритъ пословица: хотя литовская Русь освободилась отъ татаръ и пріобрѣла разныя познанія въ искуствахъ и наукахъ, но она этого иначе не могла сдѣлать какъ съ помощью латинства, которое ее вскорѣ, какъ мы видѣли, и погубило. Московская же Русь, хотя въ тоже самое время не была такъ могущественна, какъ литовская Русь, была груба и необразована и страдала подъ игомъ татарскимъ, но не искала чужой помощи и была тверда въ православіи!... Богъ и наградилъ ее за это: онъ не только вывелъ ее изъ бѣды, какъ мы далѣе увидимъ, но помогъ ей, впослѣдствіи, нѣсколько разъ изъ бѣды выводить Русь литовскую, которая, чрезъ латинство, изъ сильнѣйшей сдѣлалась слабѣйшею.

Первый изъ великихъ князей московскихъ, который не убоялся татаръ, былъ **Димитрій Ивановичъ Донской,** внукъ Іоанна Калиты. Подобно дѣду своему, онъ уразумѣлъ, что вся сила Россіи въ единствѣ ея: по этому онъ продолжалъ подчинять себѣ оставшихся еще удѣльныхъ князей, называя себя государемъ всея Россіи. Кромѣ того онъ не позволялъ татарамъ своевольничать, такъ что въ 1378 году даже послалъ противъ нихъ войско и

разбилъ ихъ въ Рязанской области на берегахъ рѣки Вожи. Въ то время татарскимъ ханомъ былъ сильный и свирѣпый Мамай; услышавъ о подвигѣ Димитрія, онъ изумился его дерзости, потому что до того времени ни одинъ изъ русскихъ князей не осмѣливался, не только идти на него съ оружіемъ, но даже ослушиваться его. Мамай рѣшился примѣрно наказать дерзновеннаго Димитрія: собралъ огромное полчище и вошелъ въ союзъ съ Литовско-русскимъ великимъ княземъ Ягайлой, который въ это время уже принялъ латинство и, какъ вѣроотступникъ, не постыдился идти съ татарами противу своихъ братьевъ русскихъ; изъ восточно русскихъ князей также нашелся одинъ измѣнникъ — Олегъ, князь Рязанскій. Но Димитрій не плошалъ: принявъ благословеніе Святаго Сергія Чудотворца, который не за долго предъ тѣмъ основалъ Троицкую Лавру, онъ ополчился, созвалъ всѣхъ князей и выступилъ съ огромнымъ войскомъ.

Тутъ надо отдать честь русскимъ князьямъ — всѣ пошли: не только князья подвластные Димитрію, но даже князья западно-русскіе, братья измѣнники Ягайлы! Осрамились только онъ да Олегъ Рязанскій.

«***Отъ начала міру такова не бывала сила Русскихъ князей, и воеводъ мѣстныхъ, якоже при семъ князѣ Дмитріи Ивановичѣ***»! пишется въ лѣтописяхъ: «***Бяше всея силы и всѣхъ***

ратей числомъ съ полтораста тысячъ, или съ двѣстѣ тысячъ.» Съ этою силою отправился Димитрій къ рѣкѣ Дону; на томъ берегу стоялъ Мамай со своею ратью и ***«распалися лютою яростію, и наполнися аки аспида нѣкая гнѣвомъ дышущи; и рече князьямъ своимъ темнымъ: двинемся всею силою моею темною и станемъ у Дону противу князя Дмитрія»***. Слыша эту хвалу Мамая, Дмитрій воскликнулъ князьямъ своимъ и воеводамъ: ***«приспѣ время, братія, нашей брани! аще оживемъ Господеви оживемъ, аще ли умремъ за міръ сей, Господеви есмы!»*** Съ этими словами двинулся онъ за Донъ и напалъ на татаръ въ чистомъ полѣ, именуемомъ—***Куликовомъ.***

Столкнулись обѣ рати ***«и бысть сѣча велика и брань крѣпка, яко отъ начала міру не бывала»***. Татары смутились, а русскіе напротивъ ободрились, говоря другъ другу: ***«братіе! потерпимъ мало; зима яра, но рай сладокъ, и страстенъ мечь, но сладостно вѣнчаніе!»*** Наконецъ самъ Мамай не выдержалъ и завопилъ: ***«великъ Богъ христіанскій и велика сила***

Его! братіе измаиловичи! побѣжимъ неготовыми дорогами!»

Такова была побѣда великаго князя Димитрія надъ татарами, одержанная въ 1380 году на Куликовомъ полѣ за Дономъ. За эту побѣду Димитрій получилъ прозваніе ***Донскаго.***

Побѣда эта, хотя и доказала русскимъ, что уже нечего имъ слишкомъ трепетать предъ ханами, однакоже не освободила ихъ отъ ига татарскаго.

При сынѣ Димитрія, **Василіи I,** Россія продолжала укрѣпляться въ силахъ. При сынѣ Василія, **Василіи II,** прозванномъ ***темнымъ,***— потому что онъ былъ ослѣпленъ роднымъ племянникомъ, который противу него бунтовалъ,—дѣла начали было идти хуже; но къ счастію взошелъ на Московскій престолъ въ 1462 году сынъ его **Іоаннъ III,** названный ***великимъ.***

И по справедливости былъ названъ ***великимъ*** Іоаннъ III-й Васильевичъ! Началъ онъ съ того, что старались сдѣлать всѣ его мудрые предки, начиная съ Андрея Боголюбскаго: и Александръ-Невскій, и Іоаннъ Калита, и Дмитрій Донской, но ничего не могли окончательно довершить. Началъ онъ съ совершеннаго уничтоженія удѣльной системы: обратилъ въ простыхъ подданныхъ послѣднихъ князей, которые еще оставались, и содѣлался первымъ, настоящимъ уже, самодержавнымъ государемъ Московской Руси. Труднѣе всего было ему справиться съ Новгородомъ, который все еще считался, съ древнихъ временъ, вольнымъ городомъ

и гдѣ еще на *вѣчахъ,* то есть: на мірскихъ сходкахъ, творились безобразія; въ особенности тамъ мутила всѣхъ одна женщина, Марѳа Посадница, подговаривая гражданъ Новгородскихъ на сторону великаго князя Литовской Руси; но Іоаннъ одолѣлъ, и въ 1478 г. включилъ Новгородъ въ свои владѣнія.

Устроивъ все внутри своихъ владѣній, Іоаннъ почувствовалъ себя въ силахъ совершить тотъ великій подвигъ, которымъ онъ себя прославилъ на вѣчныя времена: ***спасти святую Русь отъ ига татарскаго!*** Будучи таковымъ же хитрымъ политикомъ какъ Даніилъ Галицкій, онъ, чтобы ослабить Татаръ, перессорилъ между собою двухъ Хановъ татарскихъ: Менгли Гирея и Ахмата, придерживая сторону перваго противу втораго.

Заручившись, такимъ способомъ, про всякій случай помощію Менгли Гирея, онъ не только отказался платить дань Ахмату, но надругался надъ его послами, когда они за этой данью пріѣхали въ Москву. Вотъ какъ это случилось: у татарскихъ хановъ былъ обычай—съ послами, которые пріѣзжали къ русскимъ князьямъ за данью, посылать свое изображеніе въ видѣ чучелы одѣтой въ халатъ и шапку ханскую и этому изображенію или ***басмѣ,*** какъ оно по татарски называлось, русскіе князья должны были покланятся. Іоаннъ, вмѣсто того чтобы послѣдовать этому постыдному обычаю. къ изумленію пословъ, взялъ эту басму, бросилъ ее о землѣ и растопталъ ногами.

Ахматъ, узнавъ объ этомъ поступкѣ Іоанна, пошёлъ съ войскомъ на Москву, но встрѣтивъ многочисленную рать, убоялся и повернулъ вспять; между тѣмъ, въ его отсутствіе, московскій отрядъ, вмѣстѣ съ войсками Менгли Гирея, напалъ на его столицу Сарай и разорилъ оный; самъ же Ахматъ даже не дошелъ домой, дорогою его убили свои же татары. Случилось это въ 1480 году. Съ этихъ поръ Россія перестала платить дань татарскимъ ханамъ.

Въ память освобожденія ея отъ ига татарскаго установленъ въ Москвѣ ежегодный праздникъ Богоматери, съ крестнымъ ходомъ въ Срѣтенскій монастырь 23 іюня.

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Отъ избавленія Россіи отъ ига татарскаго (въ 1480 году), до избранія на царство перваго Романова—Михаила Ѳеодоровича. (въ 1613 году).

Избавивъ Московскую Россію отъ ига татарскаго, Іоаннъ началъ думать объ избавленіи Литовской Россіи отъ латинства и о возсоединеніи обѣихъ Россій въ одно цѣлое государство, какъ было при Владимірѣ Святомъ и при Ярославѣ Мудромъ. Хотя онъ не успѣлъ совершить этого возсоединенія, потому что Литовская Россія въ это время уже мало по малу ослабѣвала и переходила въ руки поляковъ, однакожъ многія области, которыя крѣпче держались православія, начали переходить подъ власть Іоанна, отрекаясь отъ своихъ великихъ князей, перешихъ въ латинство.

Вообще новая жизнь началась для Московскаго Государства: Іоаннъ выписалъ изъ за границы разныхъ мастеровъ, архитекторовъ и ученыхъ, чтобы, послѣ татарщины, пообстроить города, да народъ просвѣтить—а то совсѣмъ было одичали! Вотъ и завелись у насъ, какъ и въ другихъ образован-

ныхъ краяхъ: артиллерія. новая чеканенная монета, (тутъ кстати скажемъ, что въ древнія времена въ Россіи деньги бывали и кожанныя, а то отрубокъ желѣзный или мѣдный,—ходили за деньги иностранныя и татарскія; вообще до Іоанна монета была безобразная), города украсились зданіями, въ Москвѣ воздвигнутъ былъ Успенскій соборъ и наконецъ при Государевомъ дворѣ вошли обычаи и велелѣпіе какъ при дворахъ Европейскихъ королей. Много помогло тутъ то обстоятельство, что Іоаннъ взялъ за себя Греческую царевну Софію, Государыню, разумѣется, съ иностраннымъ образованіемъ, — для нея и завели новые порядки.

Какъ всѣ великіе Государи, Іоанъ обратилъ также вниманіе на судъ и на законы: человѣкъ вѣдь совершенствуется, — должны совершенствоваться и законы! Имѣя это въ виду, онъ издалъ новое уложеніе, которое назвалъ ***Судебникомъ.***

Сынъ Іоанна, **Василій III** продолжалъ обуздывать разныхъ хановъ татарскихъ, которые остались еще по границамъ Россіи, но уже не съ насъ брали, а намъ платили дань; продолжалъ онъ также обращать вниманіе на Литовскую Русь и отъ нея, къ Московскому Государству присоединилъ Смоленскъ.

Послѣ Василія вступилъ на престолъ сынъ его **Іоаннъ IV,** именуемый **Грознымъ;** вступилъ онъ на престолъ малолѣтнимъ, и царствованіе его продолжалось болѣе 50 лѣтъ: отъ 1533 года до

1584. Царствованіе это очень замѣчательно и надъ нимъ задумывались многіе историки.

Время давнее—судить трудно! А было надъ чѣмъ призадуматься: Іоаннъ Грозный совершилъ столько великихъ дѣлъ, сколько не совершилъ ни одинъ изъ его предшественниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ совершалъ онъ и великія жестокости! Постоянно думалъ о благѣ своихъ подданныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, казнилъ безвинныхъ! Былъ набоженъ, удалялся въ монастыри для покаянія, а преступалъ заповѣди Христовы какъ язычникъ.

Прежде чѣмъ размыслить отъ чего могла произойдти такая двойственность въ характерѣ и дѣяніяхъ Іоанна, приступимъ къ повѣствованію оныхъ:

Въ 1547 году Іоаннъ IV, не довольствуясь титуломъ Великаго князя, возложилъ на себя вѣнецъ ***Царскій***, чтобы поровняться со всѣми тогдашними Европейскими королями; по этому: ***Іоаннъ IV Грозный считается первымъ Русскимъ царемъ.*** Европейскіе короли дѣйствительно начали опять признавать Русскаго царя себѣ равнымъ, какъ въ старину Ярослава и Владиміра Мономаха; такъ что Елизавета, королева Англійская, заключила съ Іоанномъ тѣсную дружбу. Славу свою царскую Іоаннъ поддержалъ побѣдами, присоединивъ къ Россіи потраничныя царства: Казанское, Астраханское и подчинивъ Донскихъ казаковъ, которые до тѣхъ поръ не признавали надъ собою ни чьей власти; а Іоанну

не только покорились добровольно, но сослужили ему знатную службу, завоевавъ для него, въ 1583 году, всю Сибирь, подъ предводительствомъ своего Атамана Ермака. Отъ этихъ Донскихъ казаковъ, которые ходили съ Ермакомъ завоевывать Сибирь и которые по дорогѣ остались на Уралѣ рѣкѣ и на Терекѣ, пошли казаки уральскіе и терскіе, а отъ нихъ другіе; такъ что начало всѣмъ русскимъ казакамъ положило доблестное войско донское. Іоаннъ, возвеличивъ Восточную Русь, имѣлъ въ помыслахъ спасти и Русь Западную отъ ига латинскаго, вслѣдствіе чего воевалъ съ Польшею и крестоносцами. Онъ даже чуть чуть не былъ избранъ въ короли Литовской Руси, но слухъ, которой ходилъ въ народѣ о его жестокостяхъ, помѣшалъ этому счастливому событію, которое уже тогда бы соединило обѣ Россіи во едино. Кромѣ завоеваній, которыми Іоаннъ возвеличилъ и укрѣпилъ Россію, онъ не менѣе возвеличилъ и укрѣпилъ её внутреннимъ устройствомъ и просвѣщеніемъ: пересмотрѣлъ всѣ законы церковные и гражданскіе, устроилъ регулярное войско; при немъ, въ 1564 году, была напечатана первая русская книга: ***Дѣянія и Посланія Апостоловъ***; наконецъ, жестоко преслѣдовалъ лихоимство и своеволіе въ судахъ.

Кто могъ бы подумать, что тотъ же самый человѣкъ, по одному подозрѣнію, обвинилъ въ измѣнѣ цѣлый Новгородъ, разгромилъ его и нѣсколько тысячъ безвинныхъ людей казнилъ и побросалъ

въ рѣку? Или, изъ злобы на то, что крымскій ханъ сдѣлалъ набѣгъ на Москву, началъ казнить Московскихъ бояръ? Наконецъ, Іоаннъ вдругъ удалился изъ Москвы въ Александровскую слободу: онъ завелъ себѣ 300 тѣлохранителей, которыхъ назвалъ ***Опричниками;*** они ѣздили съ метлами и собачьими головами, въ знакъ того, что выметаютъ измѣну и грызутъ царскихъ недруговъ, занимались доносами на праваго и виноватаго и, постоянно открывали небывалыя измѣны и мятежи. Іоаннъ половину дня проводилъ съ этими опричниками въ церкви, исполняя весь уставъ монастырскій, а въ другую половину дня выслушивалъ ихъ доносы и, вслѣдствіе оныхъ, производилъ пытки и казни! Такимъ образомъ погибли или бѣжали отъ Іоанна лучшіе бояре и князья русскіе.

Мудрено ли, что историки задумывались надъ характеромъ Іоанна Грознаго? Мудрено ли, что нѣкоторые изъ нихъ назвали его ***Великимъ царемъ,*** а другіе — ***жестокимъ?***

По нашему мнѣнію, всякій простой русскій человѣкъ скорѣе пойметъ Іоанна Грознаго, чѣмъ любой нѣмецкій историкъ!

Кому изъ насъ не приводилось встрѣчать — не только въ простомъ народѣ, но и промежъ образованнаго общества — такихъ суровыхъ главъ семейства, которые заставляли трепетать весь свой домъ и безотвѣтно исполнять малѣйшую ихъ прихоть? А въ тоже время эти грозные люди были

и набожны и милостивы къ нищей братіи. — Отъ такого человѣка кажется никому и житья нѣтъ; а помри онъ—весь домъ пошолъ вверхъ дномъ: робкій сынъ не въ силахъ справиться съ отцовскимъ наслѣдіемъ, а ловкій слуга или прикащикъ все къ своимъ рукамъ прибираетъ.

Тоже случилось и по смерти Іоанна: остался слабый сынъ **Ѳеодоръ Іоановичь,** который проводилъ цѣлые дни въ молитвѣ, а дѣлами государственными сталъ заправлять ловкій отцевскій любимецъ Борисъ Годуновъ.

Прибавимъ, что въ тѣ времена не только въ Россіи, но и въ самыхъ образованныхъ—по тогдошнему—европейскихъ странахъ царствовали не менѣе жестокіе правители, наприм.: въ Испаніи—Филиппъ II, въ Англіи — Елизавета. Поступки Филиппа и Елизаветы ни чѣмъ нельзя извинить; а Іоаннъ окруженъ былъ боярами да князьями, только что вышедшими изъ подъ ига татарскаго и привыкшими другъ на друга доносить и унижаться передъ ханами: отъ такихъ бояръ и князей онъ ежеминутно ждалъ измѣны, видѣлъ повсюду лихоимство и угнетеніе простаго народа; изводя ихъ, Іоаннъ думалъ спасти отъ гибели свое государство.

Народъ русскій, въ то время, думалъ о Іоаннѣ также какъ и мы: однажды онъ объявилъ всенародно, что отказывается отъ престола, такъ что же? Всѣ умоляли, чтобъ оставался, не покидалъ бы Россіи! Вѣрно предчувствовали, что послѣ него: ***весь домъ пойдетъ вверхъ дномъ...*** Такъ и случилось!

Какъ сказано выше, при благодушномъ и богомольномъ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, управлялъ всѣми государственными дѣлами, любимецъ Іоанна Грознаго, Борисъ Годуновъ. Онъ былъ такъ честолюбивъ, что мечталъ вступить на престолъ русскій послѣ смерти бездѣтнаго Ѳеодора. Но у Ѳеодора былъ малолѣтній братъ Димитрій, который наслѣдовалъ бы послѣ него... И вотъ Борисъ удаляетъ Димитрія Царевича на воспитаніе въ городъ Угличъ; а между тѣмъ, съ дьявольскою хитростью, привлекаетъ къ себѣ всѣ сердца русскихъ людей мудрымъ правленіемъ и щедрыми милостями. Приворожив, такимъ способомъ, всѣхъ къ себѣ, Борисъ Годуновъ подсылаетъ тайныхъ убійцъ въ Угличъ, которые умерщвляютъ Димитрія на девятомъ году его жизни.

Бориса Годунова, разумѣется, никто не могъ подозрѣвать; а онъ распустилъ слухъ, что Царевичъ Димитрій самъ себя закололъ въ припадкѣ падучей болѣзни.

Между тѣмъ Ѳеодоръ Іоанновичъ скончался, линія царская пресѣклась, государственные чины приступили къ избранію новаго царя и выбрали, всѣми уважаемаго—**Бориса Годунова.**

Не смотря на мудрое правленіе Годунова, душа народная чуяла что то недоброе и не лежала къ нему. Начали вздыхать о настоящемъ ***прирожденномъ*** царѣ; стали поговаривать, что въ Угличѣ не самъ Царевичъ закололся, а подосланы были убійцы; другіе говорили, что Царевичъ спасся отъ нихъ и скоро явится народу!

Такіе слухи да говоры на руку, разумѣется, пройдохамъ и смѣльчакамъ бездомнымъ: вотъ и стали являться на Руси разные ***Лжедимитріи***—и настало такъ прозываемое ***смутное время,*** которое продолжалось отъ 1604 до 1613 года. Это время для Россіи было ужаснѣе ига татарскаго: постоянныя междоусобія, измѣны и безначаліе убили всякое благочестіе и нравственность народную—всѣ обнищали и тѣломъ и душою.

Первый Лжедимитрій былъ бѣглый монахъ Чудова монастыря Григорій Отрепьевъ; онъ явился изъ Литвы, куда, какъ онъ разсказывалъ удалось ему бѣжать изъ Углича и спастись отъ убійцъ подосланныхъ Борисомъ Годуновымъ. Многіе повѣрили, тѣмъ болѣе, что Лжедимитрію покровительствовалъ польскій король: «станетъ», думали, «король покровительствовать человѣку, если онъ не настоящій нашъ Царевичъ?» И начали измѣнять Борису и приставать къ Самозванцу. Между тѣмъ, Борисъ выслалъ войско противъ Лжедимитрія; войско было разбито. Борисъ вскорѣ умеръ и бѣглый монахъ Григорій Отрепьевъ вступилъ въ Москву въ 1605 году.

Обманъ, разумѣется, не могъ долго продолжаться: обманщика уличили, и народъ умертвилъ его, вломившись въ Кремль подъ предводительствомъ князя Василія Шуйскаго.

Василій Ивановичъ и былъ возведенъ на престолъ изъ благодарности, что онъ освободилъ Россію отъ самозванца. Не смотря на всѣ достоинства

и добродѣтели **Шуйскаго,** народъ русскій, отвыкшій отъ работы и испорченный разгульной жизнію и разбоями, опять сталъ прислушиваться къ разнымъ сказкамъ о спасенномъ, будто бы вторично, отъ смерти Дмитріи Царевичѣ. Тогда во многихъ концахъ Россіи и между казаками начали появляться Лжецаревичи; главный изъ нихъ былъ какой-то жидъ, подосланный поляками и котораго ложно признала за мужа своего, безпутная вдова перваго лжедимитрія, полька Марина; она разсказывала всѣмъ, что мужъ ея вторично спасся отъ смерти. Половина Россіи и казаки повѣривъ Маринѣ, пристали ко второму Самозванцу; однако же москвичи не допустили его въ столицу и онъ поселился не подалеку въ селѣ Тушинѣ. Что ужъ тамъ въ Тушинѣ происходило!?... Однимъ словомъ: развратъ, безобразіе и срамъ на всю Россію!

Доблестные иноки Троицко-Сергіевской Лавры спасли, наконецъ, наше отечество отъ Тушинскаго вора; они не только сами защищались, но посылали воодушевлять всѣхъ оставшихся еще хорошихъ людей русскихъ; и этимъ дали возможность племяннику царя Василія, храброму Михаилу Скопину-Шуйскому разбить втораго Лжедмитрія. Но Скопинъ умеръ прежде чѣмъ успѣлъ укрѣпить дядю своего на русскомъ престолѣ.

Народъ слишкомъ разгулялся: явилась толпа бездомниковъ, желающихъ поживиться на чужой счетъ и поудить рыбы въ мутной водѣ; бояре и князья, видя своего же брата на престолѣ, начали

завидовать ему и подкапываться подъ него. Вотъ что значитъ не прирожденный царь!

Великое поученіе даетъ намъ здѣсь исторія: Іоанну Грозному, не смотря на всю жестокость его, народъ русскій повиновался болѣе 50 лѣтъ и умолялъ его оставаться, когда онъ хотѣлъ сложить съ себя царскій вѣнецъ; а Василія Ивановича, ***не прирожденнаго*** царя, свергнули съ престола! Добавимъ еще, что—тотъ, который отъ мятежа возвысится, отъ мятежа и погибнетъ: мятежъ губитъ страну, губитъ людей и зарождаетъ въ ней нищенство, развратъ и тунеядство! (Это мы видимъ и по нынѣ въ польскихъ нашихъ губерніяхъ).

Лучшіе люди русскіе, того времени, пришли къ такому же заключенію «призовемте лучше чужаго государя да прирожденнаго», разсуждали они: «чѣмъ своего брата боярина, которому мы всѣ будемъ завидовать»! Вотъ и послали къ королю польскому Сигизмунду, просить у него сына Владислава на московскій престолъ, съ тѣмъ, чтобы Владиславъ принялъ православную вѣру.

Еслибы Владиславъ откровенно принялъ православіе, разсчетъ русскихъ государственныхъ чиновъ былъ бы недуренъ: не только прекратились бы постоянныя войны съ Польшей, но, послѣ смерти отца своего, Владиславъ соединилъ бы Польшу и Литовскую Русь съ Московскимъ Государствомъ. Но вышло иначе: Богу неугодно

было еще допустить того соединенія славянскихъ братій, до котораго Россія достигла впослѣдствіи; не угодно было Ему, чтобъ сіе соединеніе совершилось посредствомъ латинской Польши!

Сигизмундъ согласился отпустить сына своего Владислава на царство въ Москву; сдѣлалъ также видъ, что соглашается на его переходъ изъ латинства въ православіе; но сказалъ посламъ, которые присланы были къ нему, что Владиславъ можетъ тогда только прибыть въ Москву, когда водворится тамъ совершенное спокойствіе и всѣ безпорядки прекратятся. Между тѣмъ Сигизмундъ, подъ предлогомъ помощи русскимъ, для усмиренія различныхъ шаекъ мятежниковъ, послалъ въ Москву польское войско.

Какъ начали поляки хозяйничать въ Москвѣ, какъ начали ходить ихъ отряды по разнымъ русскимъ областямъ и драть съ живаго да съ мертваго, какъ стали они безчинствовать въ церквахъ и ругаться надъ вѣрою православною.... народъ уразумѣлъ, что онъ вдался въ обманъ королю Сигизмунду, что Владиславъ и не думаетъ переходить въ православіе, а, напротивъ, имѣетъ въ помыслахъ распорядиться съ восточною Московскою Русью, какъ уже сдѣлано было съ Литовскою западною Русью, то-есть: подчинить её Польшѣ и ввести въ нее латинство и унію.

Возстала Русь! Патріархъ Ермогенъ разрѣшилъ ее отъ присяги Владиславу—и дружины 25 городовъ двинулись къ Москвѣ, подъ предводитель-

ствомъ славнаго Рязанскаго воеводы Прокопія Ляпунова... Но этотъ герой палъ подъ измѣнническими ударами злодѣя Заруцкаго, котораго подговорила Марина. Поляки остались въ Москвѣ, шведы заняли Новгородъ, а патріархъ Ермогенъ, который одинъ еще поддерживалъ упадающій духъ русскаго народа, погибъ въ темницѣ мученическою смертію.

Не пали также духомъ и бодрствовали за отечество доблестные иноки Сергіевской обители! Крѣпко держались они подъ предводительствомъ келаря своего Авраамія Палицына, и повсюду разсылали грамоты къ народу, призывая его опять ополчиться на освобожденіе Москвы. «*И услышаша сіе нѣцыи православніи на низу въ нихъ же бѣ начальникъ нѣкто отъ простыхъ людей, но теплый вѣрою поборая по христіанствѣ, именемъ Козма Мининъ*». Собралъ Мининъ все свое добро, ополчилъ своихъ согражданъ Нижегородцевъ, провозгласилъ начальникомъ ихъ князя Пожарскаго и «*поидоша къ Московскому государству на помощь сущимъ ту Русскимъ ратнымъ людемъ!... Вси яко лвы ревуще, конные и пѣшіе ратніи поидоша на поганыхъ, со слезами молящеся Господу Богу и пречистѣй его Матери и великимъ чюдотворцомъ, еже подати имъ помощь*

на невѣрныя; и въ той часъ бысть предивно одолѣніе на поганыхъ польскихъ людей, побіено безчисленно... и взяша царствующій градъ.»

Какъ только Мининымъ и Пожарскимъ была спасена Москва и поляки изъ оной выгнаны, то, по словамъ лѣтописца: «***собравшеся оставшіи отъ разоренія людіе, всякихъ чиновъ Московскіе жильцы и иныхъ градовъ Русскихъ, и начаша глаголити: не возможно намъ пребыти безъ царя ни единаго часа; но да изберемъ себѣ царя на царство***». Было задумано въ начальники опять выбрать иностранца, но народъ и слышать не хотѣлъ по этому и начали искать ***своего*** съ тѣмъ, чтобы онъ былъ изъ царскаго рода: тогда вспомнили о Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Романовѣ, шестнадцатилѣтнемъ юношѣ, который жилъ, при своей матери, инокинѣ, въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ. Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ, по женскому колѣну, племянникомъ послѣдняго прирожденнаго царя Ѳеодора Іоанновича; никто больше его не имѣлъ права на престолъ, вслѣдствіе чего онъ ***всею землею русскою*** былъ единодушно избранъ въ цари.

Отправили пословъ отъ ***земскаго собора*** объявить Михаилу объ избраніи его на царство. Поляки, узнавши объ этомъ, послали шайку впередъ, чтобы извести новаго избранника; эта шай-

ка стала распрашивать о дорогѣ у одного крестьянина изъ села Домнина, по имени Ивана Сусанина; онъ, догадавшись въ чемъ дѣло, вызвался проводить молодцовъ, да завелъ ихъ въ трущобу! Его, разумѣется, убили, но онъ остался живъ въ народной памяти, какъ спаситель перваго Романова!

ПЕРІОДЪ ПЯТЫЙ.

ПЕРІОДЪ РОМАНОВЫХЪ.

Отъ избранія перваго Романова (въ 1613 г.) до нашихъ временъ.

«Воздвиже Богъ на царство тезоименитаго Архистратига силы его Михаила, зѣло кроткаго, тихаго царя, Христова подражателя. И всякаго веселія и радости исполнися Російское царство, и далъ Богъ благодать и въ миръ тишину и благоденство, и страны съ нимъ смиришася... И всѣ православніи христіяне возрадовашася и Богу хвалу воздаша о семъ, что Господь Богъ воскресилъ въ Руси паки отъ своихъ русскихъ людей и отъ царска роду, и обновися имъ царство». Такими словами привѣтствуетъ лѣтописецъ перваго **Романова**, избранника всея Руси, изъ русскихъ людей и изъ царскаго рода!

Какъ же было съ восторгомъ не привѣтствовать обновителя Россіи и родоначальника цѣлаго поколенія царей-богатырей, вознесшихъ на плечахъ своихъ Россію до могущества, предъ которымъ, въ настоящее время, трепещетъ весь міръ!

И точно, ни одна ***династія*** (царскій родъ), въ Европѣ, не была такъ богата великими государями, какъ династія Романовыхъ:

Первый царь изъ дома Романовыхъ, **Михаилъ Ѳеодоровичъ,** воскрешая Россію, долженъ былъ употребить всѣ усилія для водворенія въ ней тишины и порядка, для уничтоженія бродягъ и разбойничьихъ шаекъ, для устройства разоренныхъ городовъ и селъ. Съ этой цѣлью, разумѣется, необходимо было ему помириться съ внѣшними врагами: со шведами и поляками, уступивъ имъ многія области. По мудрости своей, царь Михаилъ Ѳедоровичъ предвидѣлъ, что эти области опять вернутся Россіи, какъ только она окрѣпнетъ въ мирѣ и внутреннемъ устройствѣ.

Онъ не ошибся: сынъ его, царь **Алексѣй Михаиловичъ,** продолжая заниматься внутреннимъ благоустройствомъ своего государства,—обогащалъ народъ уничтоженіемъ многихъ тягостныхъ пошлинъ; совершенствовалъ правосудіе изданіемъ, въ 1649 г., новаго свода законовъ, подъ названіемъ—***Уложеніе;*** улучшалъ войско призывомъ изъ за границы опытныхъ офицеровъ и введеніемъ ***перваго воинскаго устава,***—однимъ словомъ: продолжая начатое отцемъ—почувствовалъ себя уже въ силахъ

возвратить своему царству то, что было отнято у онаго вслѣдствіе смутнаго времени. Почувствовалъ что уже можетъ, по примѣру всѣхъ прежнихъ лучшихъ государей русскихъ, позаботиться о возсоединеніи двухъ Россій. Кончина не дозволила царю Алексѣю Михаиловичу совершить начатое дѣло—освободить всю Литовскую Русь изъ подъ ига польскаго; онъ успѣлъ, однакоже, поколебать могущество этого королевства, овладѣвъ южною половиной Западно-литовской Руси, съ древнимъ ея городомъ Кіевомъ. Эта южная половина, или, какъ её называютъ, ***Малороссія***, была населена запорожскими казаками. Когда Польша овладѣла всей западной Россіей и начала тамъ вводить латинство и унію, запорожскіе казаки противились больше всѣхъ и упорно держались за православіе; часто бунтовались они противъ поляковъ, подъ предводительствомъ своихъ выборныхъ начальниковъ, ***гетмановъ.*** Самыми отважными изъ этихъ гетмановъ были: Наливайко, Остраница и Богданъ Хмельницкій; наконецъ, этотъ послѣдній окончательно отдѣлился отъ Польши и просилъ царя Алексѣя Михаиловича принять его, со всѣми казаками, подъ свою державную власть. Такимъ образомъ, Малороссія, въ 1654 году, была присоединена къ Россіи, и этимъ событіемъ нанесенъ первый ударъ латинству и польскому владычеству въ западной Россіи.

Ѳеодоръ Алексѣевичъ, сынъ Алексѣя Михаиловича, твердо шёлъ по стопамъ отца и дѣда

своего, хотя былъ обремененъ тѣлесными недугами. Въ шестилѣтнее царствованіе свое онъ два раза побѣждалъ Турецкаго Султана, котораго Польша натравляла на насъ изъ-за Малороссіи.

Но вотъ дошли мы до славнаго царствованія преобразователя Россіи: дошли до **Петра Великаго.** Съ благоговѣніемъ остановимся предъ этимъ исполиномъ!

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Чтобы, какъ должно, оцѣнить величіе подвига **Петра** необходимо знать, чѣмъ была Россія въ до-петровское время, и при какихъ обстоятельствахъ онъ вошелъ на престолъ.

Между тѣмъ какъ всѣ европейскія государства совершенствовались, образовывались и уже въ нихъ, въ то время когда Петръ вошелъ на престолъ, процвѣтали науки и искуства, Россія, находившаяся такъ долго подъ игомъ татаръ, оставалась почти въ томъ же положеніи, какъ за 900 лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже, утративъ прежнія свои добродѣтели, она пошла вспять, потому что отъ татаръ привилось къ русскимъ людямъ много пороковъ, которыхъ не было въ ихъ предкахъ. Крестьяне, до Бориса Годунова, были люди вольные; онъ первый ихъ закрѣпостилъ, а извѣстное дѣло, что вольный человѣкъ не такъ забитъ

и исправнѣе крѣпостнаго (*). Наконецъ, мятежи во время самозванцевъ окончательно развратили всѣхъ: развелось множество разбойниковъ, бездомниковъ, подстрекателей, и народъ привыкъ вѣрить всякимъ баснямъ и росказнямъ этихъ лиходѣевъ.

Нельзя, разумѣется, сказать, что просвѣщеніе, распространившись по всей Европѣ, совсѣмъ таки обошло несчастную Россію. Но что это было за просвѣщеніе?!

Мы говорили, напримѣръ, что были введены въ арміи регулярныя войска и огнестрѣльное оружіе; но этихъ регулярныхъ войскъ было очень мало— одни ***стрѣльцы;*** а ружья у этихъ стрѣльцовъ были такія, что пока онъ соберется выстрѣлить, то его по рукамъ и по ногамъ успѣешь связать! Остальныя войска набирались предъ самой войной: разсылались указы боярамъ и дворянамъ, каждый изъ нихъ и выѣзжалъ съ своими холопьями, кто верхомъ, кто пѣшкомъ, кто съ самопаломъ, кто съ рогатиной или копьемъ. При такомъ войскѣ, намъ и думать нельзя было, въ равныхъ силахъ, воевать съ европейскими государствами. Говорили мы также, что введено было книгопечатаніе, но печатались однѣ только книги изъ священнаго писанія, и то въ маломъ количествѣ и очень дорого, такъ что многіе князья и бояре пребывали въ безграмотности. Про женщинъ и говорить нечего: ихъ, по татарскому обычаю, запирали и заставляли

(*) Теперь, вслѣдствіе того, что уже въ Россіи отмѣнено крѣпостное состояніе, мы испытываемъ эту истину на дѣлѣ.

носить покрывала, не считали даже за людей, что противно христіанскому ученію, по коему женщина во всемъ равна мужчинѣ: ***символомъ этого равенства намъ служитъ Матерь Божія, почитаемая церковью превыше всѣхъ святыхъ и заступницею нашею предъ Господомъ Богомъ.***

Послѣ всего вышесказаннаго понятно, какъ первымъ Романовымъ трудно было заставить иностранныхъ государей почитать себя за равныхъ: не говоря уже объ арміи и грамотности, имъ часто приходилось краснѣть, предъ иностранными образованными послами, за своихъ царедворцевъ, которые за царскимъ столомъ ѣли пригоршнями, сморкались въ пальцы и, что всего хуже, не отказывались отъ взятокъ.

Ко всему этому надо добавить, что, предъ возществіемъ на престолъ Петра Великаго, начался въ Россіи ***расколъ,*** который и до нынѣшняго времени лежитъ, какъ бревно, на дорогѣ просвѣщенія народнаго! Чтобы читатель могъ понять всю глупость и тупость раскола, разскажемъ съ чего онъ взялся.

Когда еще въ Россіи не было книгопечатанья, то церковныя книги переписывались писцами; многіе изъ этихъ писцовъ были малограмотны и, разумѣется, переписывали съ ошибками; такимъ образомъ, чѣмъ чаще переписывались церковныя книги, тѣмъ болѣе разпложалось въ нихъ ошибокъ. Когда пришлось ихъ печатать, то напечатали ихъ

съ тѣми же ошибками, потому что первые *печатники* или *типографы*, какъ ихъ теперь называютъ, не были на столько грамотны, чтобы исправить ошибки, которыя вкрались въ рукописи. Но вотъ, при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ возведенъ былъ на московскій патріаршій престолъ Никонъ, мужъ праведный, ученый и знающій церковную службу; первымъ дѣломъ, началъ онъ исправлять церковныя книги и для этого созвалъ искусныхъ и святыхъ людей съ Аѳонской горы, изъ Греціи и изъ другихъ древлеправославныхъ странъ. Все бы такъ и обошлось, но патріархъ Никонъ былъ человѣкъ строгій и не терпѣлъ недостойныхъ священнослужителей; эти то недостойные пастыри, лишившись своихъ мѣстъ, и начали смущать тёмный народъ, разглашая повсюду, что Никонъ-де исправляетъ церковныя книги по своему и вводитъ ересь въ православіе.... Съ того и пошло!... А всего хуже то, что многіе бояре и начальники стрѣльцовъ, которые были недовольны, тѣмъ что Алексѣй Михаиловичъ и преемникъ его, Ѳеодоръ Алексѣевичъ, перенимали у образованныхъ государствъ разные порядки, начали поддакивать недостойнымъ іереямъ и подстрекать народъ, чтобы онъ стоялъ за старину. Такимъ образомъ и распространился расколъ. Странное дѣло, какъ не пришло тогда никому въ голову, и какъ не подумаютъ теперь умные раскольники объ одномъ: если патріархъ Никонъ несправедливо и не по указанію отцевъ церкви исправилъ обряды и

книги церковныя, то неужели прочіе патріархи православные не отлучили бы его отъ церкви? И неужели не нашлось бы ни одного изъ нихъ, чтобы обличить его? Нѣтъ, видно по ихнему пьяные и бѣглые попы лучше знаютъ свое дѣло!

Таково было до-петровское время по самую смерть царя Ѳеодора Алексѣевича, который умеръ бездѣтенъ.

Остались у него: сестра **Софія,** женщина честолюбивая, малолѣтній братъ **Іоаннъ,** недолговѣчный по здоровью и умомъ слабый, да младшій, отъ другой матери, дѣсятилѣтній **Петръ.**

Софія, желая завладѣть престоломъ, начала набирать себѣ сторонниковъ между раскольниками, стрѣльцами и стариками, которые не прочь были возвратиться къ прежнимъ безпорядкамъ временъ самозванцевъ, чтобы ***въ мутной водѣ рыбу ловить.*** Удалось ей, такимъ образомъ, сдѣлаться ***правительницею,*** то есть: опекуншею надъ малолѣтними своими братьями; такъ что, по имени, царствовали Іоаннъ да Петръ, а на дѣлѣ, всѣмъ заправляла она. Такъ и шли дѣла, къ удовольствію Софіи, въ продолженіи семи лѣтъ: Іоанна она не боялась по его слабоумію, а Петра, разными шашнями и подъ благовидными предлогами, ей удалось удалить въ подмосковное село Преображенское.

Въ Преображенскомъ селѣ Петръ игралъ въ солдатики: изъ сверстниковъ своихъ составилъ ***потѣшную*** роту, обучая ее на манеръ тогдашнихъ

регулярныхъ войскъ образованныхъ государствъ. Онъ также игралъ въ кораблики, своеручно строя маленькіе корабли на Переяславскомъ озерѣ. Проводилъ остальное время на пирушкахъ съ иностранцами, которыхъ уже довольно тогда поселилось въ Москвѣ. Старики покачивали головами и думали про себя: ничего-де добраго не выйдетъ изъ такого воспитанія! Но дальновидная Софія смотрѣла на дѣло иначе; она предчувствовала, что изъ ***потѣшной*** роты возродится непобѣдимое русское войско; (такъ и вышло: изъ потѣшной роты Петръ, въ 1687 году, образовалъ два первые гвардейскіе полка: Преображенскій и Семеновскій), что изъ кораблика на Переяславскомъ озерѣ возникнетъ славный флотъ, и что на пирушкахъ съ иностранцами Петръ выучится, изъ умныхъ разговоровъ, болѣе, чѣмъ за указкой учителя своего ***Дьяка Зотова.***

Предчувствуя все это, честолюбивая царевна рѣшилась долѣе не медлить и подговорила стрѣлецкаго начальника Шакловитаго поджечь село Преображенское и въ суматохѣ убить Петра. Къ счастію, Петру донесли объ этомъ заговорѣ, и онъ успѣлъ укрыться отъ разбойниковъ въ Троицкую Лавру. Тутъ онъ въ первый разъ показалъ, что враги его имѣютъ дѣло не съ ребенкомъ, а съ настоящимъ царемъ: Шакловитаго велѣлъ онъ казнить, а Софію заключилъ въ монастырь. Въ потѣшной ротѣ, мятежные стрѣльцы также съ удивленіемъ увидѣли — не дѣтей играющихъ въ солда-

тики, а регулярное войско, съ которымъ и думать нельзя было имъ помѣриться! Все это случилось въ 1689 году, и съ этихъ поръ Петръ одинъ началъ управлять государствомъ.

Россія тогда была почти также обширна, какъ и нынѣ, но береговъ морей, которые теперь ей принадлежатъ, тогда не было въ ея рукахъ; напримѣръ: мѣсто, гдѣ теперь Петербургъ, принадлежало шведамъ, а берега Чернаго и Азовскаго морей принадлежали туркамъ (См. карту № 4). Петръ, быстрымъ своимъ соображеніемъ, понялъ, что безъ морей не будетъ сбыта для русскихъ произведеній: хлѣба, пеньки, льна и прочихъ; кромѣ того, если моря останутся чужими, то непріятелю легко будетъ, со всѣхъ сторонъ, осадить всю страну, какъ какую нибудь крѣпость, и погубить въ ней всю торговлю и всякое другое преуспѣяніе. По этой причинѣ, первымъ дѣломъ предпринялъ онъ походъ противу приморской крѣпости Азова, принадлежавшей тогда туркамъ. Тутъ онъ въ первый разъ попробовалъ военныя суда, которыя были имъ построены на Дону: первая проба вновь созданнаго русскаго флота была—побѣда надъ турками и покореніе Азова въ 1696 году!

Покоривъ Азовъ, Петръ пріобрѣлъ для Россіи одинъ морской выходъ, но этимъ онъ не могъ удовольствоваться: Азовъ только открывалъ Россіи торговый путь съ Турціей, а не соединялъ ее съ европейскими образованными государствами; къ тому же побѣда надъ турками не возвышала Россіи противъ прежняго: русскіе съ испоконъ вѣка би-

вали турковъ. Петру хотѣлось, какъ онъ говорилъ: ***«пробить окно въ Европу»***, то-есть: овладѣть морскимъ выходомъ поближе къ нѣмцамъ. Но берега Балтійскаго моря, именно тѣ, на которые зарился Петръ, принадлежали самому воинственному и сильному европейскому государю: королю шведскому, Карлу XII. Этотъ Карлъ XII всѣмъ страху задавалъ—и полякамъ, и датчанамъ, и нѣмцамъ. «Вотъ такого противника одолѣть, это не то что турка побить!» думалъ Петръ: «тутъ сразу можно пріобрѣсть почтеніе всѣхъ европейскихъ державъ и стать на ряду съ ними!»

Петръ не зналъ преградъ, когда дѣло шло объ исполненіи завѣтной думы; но, какъ умный человѣкъ, онъ ничего не дѣлалъ ***на авось:*** побѣдить Карла, безъ настоящихъ генераловъ, безъ должнаго порядка въ арміи и внутри государства, и думать нельзя было! Поэтому онъ началъ цѣлый рядъ крутыхъ преобразованій и улучшеній: на манеръ своихъ полковъ, Преображенскаго и Семеновскаго, сталъ заводить другіе полки; для образованія генераловъ производилъ маневры; послалъ молодыхъ людей за границу учиться всѣмъ наукамъ и искуствамъ; наконецъ, самъ предпринялъ путешествіе по Европѣ. Во время этого путешествія онъ все щупалъ, до всего самъ доходилъ; такъ, напримѣръ: въ Голландскомъ городѣ Саардамѣ, скрывая свое имя, онъ, въ видѣ корабельнаго плотника, поступилъ въ ученіе и такъ хорошо работалъ, что чрезъ двѣ недѣли заслужилъ званіе мастера.

Во время путешествія своего Петръ получилъ

извѣстіе о новомъ мятежѣ стрѣльцовъ; тутъ уже онъ рѣшился покончить съ ними: возвратясь въ Москву, онъ часть изъ нихъ казнилъ, а другую сослалъ. Такимъ образомъ уничтожилось это безобразное войско, которое владѣло цѣлыми слободами, имѣло свое купечество и больше думало о своихъ выгодахъ, чѣмъ о царской службѣ. Послѣ уничтоженія стрѣльцовъ, Петръ принялся искоренять другаго своего домашняго врага, а именно: глупую закоснѣлость, которая осталась намъ въ наслѣдство отъ татаръ. Съ этой цѣлью началъ онъ вводить иностранные обычаи, одежду и приказалъ брить бороды.

Многіе и теперь осуждаютъ Петра за такое неуваженіе къ старинѣ; но тѣ, которые осуждаютъ его, забываютъ объ одномъ: что именно въ этой старинѣ и заключалась вся закоснѣлость, которую Петръ хотѣлъ сломить, чтобы преобразовать Россію въ могущественное, образованное государство. Борода, кажись, пустякъ? А всякій, кто служилъ въ военной службѣ, знаетъ, что какъ только рекруту сбрѣютъ бороду, да обстригутъ голову, онъ тутъ же становится другимъ человѣкомъ: значитъ—порѣшилъ съ прежней жизнію! И Россіи, при Петрѣ, надо было порѣшить съ прежнею жизнію, съ прежнимъ безобразіемъ и татарщиной.

Теперь, разумѣется, дѣло совсѣмъ другое: пожалуй, хоть опять бороду отращивай! Мы, русскіе, стали уже на ряду со всѣми другими народами: знаемъ, что у насъ есть хорошаго, не прочь по-

учиться хорошему и у другихъ. Правда, есть еще закоснѣлость въ крестьянахъ по глухимъ деревнямъ, но это не безъ того и въ другихъ странахъ, между безграмотными людьми: вся бѣда отъ безграмотности!

Справившись съ стрѣльцами, да пообучивъ свое войско, Петръ рѣшился наконецъ попробовать счастія противъ Карла XII; съ этой цѣлью онъ вошелъ въ союзъ съ датскимъ и польскимъ королями, чтобы они со стороны напали на шведское войско, самъ же двинулся на Нарву.

Но храбраго Карла, съ непобѣдимымъ его войскомъ, трудно было обойти: онъ сперва побѣдилъ короля датскаго, потомъ разбилъ нашу армію, которая почти вся состояла изъ рекрутъ, кромѣ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ; а напослѣдокъ задалъ трёпку и польскому королю.

Другой бы упалъ духомъ и руки опустилъ, но Петръ былъ не таковскій! Онъ, послѣ пораженія подъ Нарвой, преспокойно говорилъ: ***шведы, можетъ быть, побьютъ насъ и еще не разъ; но у нихъ же научимся мы побѣждать ихъ самихъ.***

Дѣйствительно, шведы научили насъ побѣждать ихъ самихъ: не прошло болѣе трехъ лѣтъ послѣ нашего пораженія подъ Нарвой, какъ Петръ лично взялъ у шведовъ, въ 1703 году, крѣпость Ніеншанцъ и на этомъ самомъ мѣстѣ основалъ Петербургъ.

Окно въ Европу было прорублено,

но Карлъ могъ опять его заложить. И вотъ какъ разъ до свѣдѣнія Петра доходитъ, что запорожскій гетманъ Мазепа, готовится измѣнить ему и соединиться со шведами—минута настала рѣшительная: ***или панъ или пропалъ!***

Петръ долго не любилъ думать: прямо пошелъ на Полтаву! Тамъ и встрѣтились два богатыря, но богатырь русскій одолѣлъ, да такъ одолѣлъ, что даже пословица сложилась про—***шведа подъ Полтавой!*** Мазепа же погибъ, какъ погибаютъ всѣ измѣнники, и въ настоящей жизни, и въ будущей.

Побѣда подъ Полтавой одержана была въ 1709 году; послѣ того Петръ много еще воевалъ и съ Турціей, и съ Персіей, и опять съ Швеціей, распространяя предѣлы Россіи почти до нынѣшнихъ границъ ея. Несмотря на эти постоянныя войны, онъ успѣлъ также возвысить Россію и въ отношеніи образованія, до такой степени, что она пріобрѣла уваженіе всѣхъ европейскихъ странъ.

Сенатъ былъ учрежденъ имъ; онъ основалъ академію наукъ, прорылъ каналы, такъ что теперь водой можно доставлять хлѣбъ изъ низовыхъ губерній до самаго Петербурга; создалъ побѣдоносную русскую армію и флотъ. Наконецъ, вмѣсто прежнихъ испорченныхъ татарщиной бояръ, завелъ въ Россіи такихъ вельможъ, какъ Долгорукаго, который не боялся говорить царю правду и въ минуты гнѣва его; или такихъ генераловъ, какъ Голицынъ, который передъ штурмомъ, когда Петръ,

изъ сожалѣнія, послалъ ему приказаніе отступить, отвѣтилъ посланному: ***«скажи государю, что теперь я принадлежу не Петру, а Богу!»*** И съ этими словами бросился на крѣпость, да и взялъ ее... Эта крѣпость—теперешній Шлиссельбургъ.

Удивленія достойно, какъ много могъ, въ свою жизнь, сдѣлать для родины одинъ человѣкъ! За то же какъ этотъ человѣкъ любилъ свою родину! Любовь эта выражается въ приказѣ, который онъ далъ предъ Полтавской битвой: ***«...о Петрѣ вѣдайте, ему жизнь его не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ!»*** Не одни эти достопамятныя слова доказываютъ любовь Петра къ Россіи: онъ пожертвовалъ ей своимъ роднымъ сыномъ и не допустилъ его къ царству послѣ себя, убѣдясь въ неблагонадежности этого слабаго царевича, котораго развратили враги отечества.

Нѣкоторые историки осуждаютъ Петра Великаго за то, что онъ былъ слишкомъ вспыльчивъ и что, при нѣкоторыхъ случаяхъ, не берегъ жизни своихъ подданныхъ, напримѣръ: при постройкѣ Петербурга, гдѣ погибло множество людей. На это мы отвѣтимъ, что онъ и своей жизни не берегъ для своихъ подданныхъ: доказательствомъ тому служитъ смерть его, которая произошла отъ того, что онъ бросился въ воду спасать утопавшаго солдата, причемъ простудился, слегъ въ постель и скончался 28 января 1725 года.

Что тамъ ни говори, а безъ Петра мы до сихъ поръ остались бы чемъ-то въ родѣ татарской орды! Чтобы догнать въ просвѣщеніи другіе европейскіе народы, Россіи приходилось шагнуть, покрайней мѣрѣ, черезъ двѣсти лѣтъ, и нужна была желѣзная воля Петра, чтобы заставить ее сдѣлать этотъ исполинскій шагъ.

Сенатъ и Святѣйшій Сѵнодъ оцѣнили заслуги Петра еще при его жизни и присудили, въ 1721 году, назвать его **императоромъ**, ***отцемъ отечества*** и **великимъ**. Съ тѣхъ поръ вся Европа признала русское царство — Имперіей, а государей нашихъ—Императорами!

Послѣ смерти Петра Великаго, по малолѣтству внука его Петра Алексѣевича, вступила на престолъ супруга его, **Екатерина I Алексѣевна.** Она царствовала всего два года. **Петру II,** послѣ ея смерти, не пришлось дожить и до совершеннолѣтія: онъ скончался шестнадцати лѣтъ отъ оспы.

Смертію Петра II пресѣклось мужское поколѣніе рода Романовыхъ. Вслѣдствіе этого, чуть-чуть не возобновились опять смутныя времена, разумѣется уже не такъ, какъ при самозванцахъ, потому что русскіе, благодаря Петру Великому, сдѣлались образованнѣе. Но, съ образованіемъ, выучились они у иностранцевъ и придворнымъ ***интригамъ:*** Петру II-му: по порядку, долженъ былъ бы наслѣдовать другой внукъ Петра Великаго, отъ старшей дочери его Анны Петровны,

также именемъ Петръ; но, вслѣдствіе придворныхъ интригъ, вельможи возвели на престолъ дочь брата Петра Великаго—**Анну Іоанновну.**

Они, предъ возшествіемъ на престолъ Анны Іоанновны, заставили ее подписать въ ихъ пользу грамоту. Жестоко были они, однакоже, наказаны: какъ только Анна Іоанновна взошла на престолъ, первымъ дѣломъ ея было уничтожить эту грамоту; во-вторыхъ, удалила отъ себя именно тѣхъ, которые болѣе всѣхъ хитрили да мутили; за тѣмъ назначила первымъ Министромъ Бирона.

Хотя плохо пришлось русскимъ людямъ отъ этого Бирона, но за то дѣла съ непріятелями, во время царствованія Анны Іоанновны, шли ко славѣ русскаго оружія: фельдмаршалъ Минихъ побилъ на-голову турокъ, взялъ у нихъ Хотинъ, а въ другой разъ одержалъ надъ ними побѣду въ Молдавіи.

Послѣ смерти Анны Іоанновны, Бирону чуть не удалось сдѣлаться настоящимъ правителемъ Россіи; онъ еще при жизни Императрицы успѣлъ убѣдить ее назначить, противъ всякихъ правилъ, своимъ наслѣдникомъ шестилѣтняго сына племянницы ея Анны Леопольдовы—принца Іоанна Антоновича, а себя онъ прочилъ въ опекуны.

Тутъ фельдмаршалъ Минихъ сослужилъ службу Россіи бо́льшую чѣмъ взятіемъ Хотина: онъ низвергъ Бирона и, вмѣстѣ съ нимъ, разумѣется, невиннаго младенца Іоанна, который потерпѣлъ за чужіе грѣхи.

Неурядица эта продолжалась всего только одинъ

годъ и, къ общей радости Россіи, все вошло въ законную колею: на престолъ вступила дочь Петра Великаго, Императрица **Елизавета Петровна,** и она приготовила себѣ въ наслѣдники сына своей сестры Петра III Ѳеодоровича, того самаго, котораго обошли вельможи возведеніемъ на престолъ Анны Іоанновны послѣ смерти Петра II Алексѣевича.

Двадцатилѣтнее царствованіе Елизаветы Петровны было блаженное время для Россіи. Она во всемъ была русская, и какъ Императрица, и какъ женщина: окружила себя одними русскими людьми, покровительствовала русской словесности и паче всего пеклась о счастіи русскаго народа.

До нея одни богачи имѣли средства образовываться, потому что для этого надо было нанимать иностранныхъ учителей или посылать дѣтей за границу. Она сдѣлала науку доступною всѣмъ, основавъ первый русскій Университетъ въ Москвѣ; въ Петербургѣ же открыла Академію Художествъ, то есть такую, откуда выходятъ архитекторы, живописцы и ваятели. Сколько простыхъ людей, даже изъ бывшихъ крѣпостныхъ, вышли изъ этихъ двухъ заведеній, пріобрѣли славу, великія почести и благословляютъ имя Елизаветы! Еще при жизни она вкусила плоды своихъ заботъ о русскомъ просвѣщеніи, своей любви къ русскому народу: въ рыбачьей избѣ, на берегахъ Сѣверной-Двины, родился знаменитый Ломоносовъ, который, выучившись грамотѣ у сельскаго дьячка, прославился, впослѣдствіи, своими стихотвореніями не только въ Россіи, но и въ цѣлой Европѣ; онъ былъ не менѣе искусенъ

по другимъ наукамъ—сдѣлался профессоромъ Академіи Наукъ. Другой простолюдинъ, купеческій сынъ Волковъ, основалъ первый публичный русскій театръ, что составляетъ немаловажную заслугу, потому что театръ отвлекаетъ народъ отъ кабака и разврата, доставляя ему удовольствіе, возвышающее умъ и сердце.

О **Петрѣ III** трудно судить: его царствованіе продолжалось не болѣе полугода. Родившись въ Германіи, такъ какъ мать его, Анна Петровна, была замужемъ за нѣмецкимъ принцемъ, онъ пристрастенъ былъ къ нѣмцамъ. Это ставятъ ему въ укоръ, забывая важную услугу, которую онъ оказалъ Россіи, уничтоживъ ***тайную канцелярію,*** гдѣ часто, по ложнымъ доносамъ, пытали невинныхъ людей. Государь, презирающій доносчиковъ, не можетъ быть дурнымъ человѣкомъ.

Петру III наслѣдовала супруга его **Екатерина II,** которой имя стоитъ, въ русской исторіи, на ряду съ именами Ярослава Мудраго, Владиміра Мономаха и Петра Великаго.

При Екатеринѣ могущество Россіи достигло до такой степени, что одинъ изъ знаменитыхъ французскихъ писателей сказалъ: ***Свѣтъ къ намъ теперь проливается съ сѣвера!*** А извѣстное дѣло, что французы въ то время считали русскихъ варварами.

И точно: правосудіе, благоустройство городовъ, народное образованіе, наконецъ слава русскаго оружія.... все занимало великую Екатерину и во

всемъ дѣла ея вѣнчались блестящимъ успѣхомъ. Въ краткой исторіи невозможно перечислить всего, что она сдѣлала для Россіи; упомянемъ, однакоже, о главныхъ дѣяніяхъ ***матери отечества***, какъ ее прозвалъ благодарный русскій народъ.

Передъ нею, областями въ Россіи правили воеводы, надъ которыми былъ очень слабый надзоръ и которые могли судить народъ, какъ хотѣли; она ихъ уничтожила, раздѣлила Россію на губерніи, подъ начальствомъ губернаторовъ, и установила правильные суды. Для народнаго образованія повелѣла открыть училища. Основала въ Москвѣ и Петербургѣ воспитательныя дома для подкидышей. Покровительствовала русской словесности, такъ что въ ея царствованіе у насъ явились писатели, которыхъ сочиненія переводились и на иностранные языки; самый знаменитый изъ нихъ и считающійся, до сихъ поръ, лучшимъ русскимъ стихотворцемъ былъ Державинъ; его стихотвореніе, подъ заглавіемъ ***Богъ***, вѣроятно знаетъ всякій грамотный русскій человѣкъ. Сама Екатерина также сочиняла и печатала свои сочиненія, желая этимъ поощрить писателей и доказать свою заботу о народномъ образованіи. На ряду со всѣми этими внутренними усовершенствованіями—и за предѣлами отечества оружіе наше покрылось, небывалой дотолѣ славой, несмотря на то, что на престолѣ сидѣла женщина; но это женщина, своимъ мужествомъ, не уступала сказочнымъ богатырямъ! ***Римляне***

не хотѣли знать числа враговъ и только спрашивали гдѣ они.... писала Она къ фельдмаршалу Румянцеву, чтобы заставить его атаковать непріятеля въ нѣсколько кратъ многочисленнѣйшаго. Въ другой разъ, шведы напали на русскій флотъ подъ Кронштадтомъ: цѣлый день, отъ зари до поздней ночи, каконада отдавалась въ самомъ Петербургѣ, всѣ были въ ужасѣ! Король Шведскій, думая, что и Екатерина оробѣла, велѣлъ спросить, слышитъ ли она пушечные выстрѣлы?— ***Я уже 25 лѣтъ слышу пустыя пушки,*** приказала отвѣтить Королю мужественная Императрица!

Разъ Она сама хотѣла стать во главѣ своего войска и сказала: ***«Я доказала бы свѣту, что можно сдѣлать, предводительствуя русскими!»*** Мудрено ли, послѣ этого, что Екатерининскіе генералы: Румянцевъ, Орловъ, Потемкинъ, Зубовъ, громили повсюду враговъ отечества? Мудрено ли, что въ достославное ея царствованіе явился славнѣйшій полководецъ древнихъ и новѣйшихъ временъ: **Суворовъ?**

Побѣды Суворова надъ турками, надъ поляками, надъ французами, такъ многочисленны, что о нихъ написаны отдѣльныя исторіи; въ нашей краткой исторіи, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ достаточно мѣста, чтобы достойно прославить русскаго героя, который, не забывая словъ Екатерины, ***никогда не хотѣлъ***

знать числа враговъ, а только спрашивалъ гдѣ они!

Все вышесказанное, хотя составляетъ сотую часть всѣхъ дѣяній Екатерины, достаточно было бы для прославленіи имени ея навѣки. Но всѣ эти дѣяніи ничто въ сравненіи съ подвигомъ, на который не отважился ни одинъ изъ ея предшественниковъ, хотя съ XIV вѣка къ оному стремились всѣ лучшіе наши цари: ***Екатерина соединила обѣ Руси воедино!*** Она, свергнувъ иго польское съ несчастной западной Литовской Россіи, довершила дѣло Іоанна III, который избавилъ восточную Литовскую Русь отъ татаръ, и первая, съ полнымъ правомъ, могла наименоваться Императрицею Всероссійской! Этотъ подвигъ такъ важенъ въ жизни русскаго народа, что необходимо о немъ поговорить подробнѣе и припомнить вкратцѣ прежнія событія, которыя и составляютъ всю суть современной русской исторіи.

Россія, ослабленная вслѣдствіе раздѣла на мелкіе удѣлы, была разорвана на двѣ части двумя старинными ея врагами: латинствомъ и татарщиной. Восточная Московская часть Россіи окрѣпла и отдѣлилась отъ татарщины, а западная Литовская часть ослабла, потому что князья ея отступили отъ православія,—и подпала окончательно подъ иго польское. Во время самозванцевъ, Московская Россія, за свои грѣхи, опять-было повихнулась, такъ что поляки чуть-чуть и до нея

не добрались; но, съ воцареніемъ Романовыхъ, опять вошла въ силу, и тогда каждый изъ русскихъ царей, чѣмъ сильнѣе онъ становился, тѣмъ болѣе думалъ о возсоединеніи западной Россіи съ восточной и о избавленіи православныхъ русскихъ братій, которыхъ поляки разными звѣрствами принуждали къ католичеству и къ уніи.... Вотъ, на сколько помнитъ читатель, гдѣ мы остановились въ исторіи западной Литовской Россіи, чтобы заняться одной Россіей Московской; теперь пойдемъ дальше.

Надо знать, что въ Польшѣ престолъ переходилъ не по наслѣдству, а что на него назначали королей по выбору дворянства и мелкой шляхты (въ родѣ нашихъ однодворцевъ). На этихъ выборахъ, разумѣется, не обходилось безъ брани и безъ дракъ: отъ этого Польша начала приходить въ упадокъ; одна губернія за другой, изъ западно-русскихъ, начала отъ нея отдѣляться. Наконецъ, какъ читатель уже знаетъ, одтѣлилась цѣлая Малороссія при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ. Петръ Великій, послѣ побѣды надъ шведами, такъ уже почувствовалъ себя въ силахъ, что объявилъ польскому королю, что принимаетъ подъ свое покровительство всѣхъ православныхъ его подданныхъ; Екатерина I то же самое сдѣлала. Съ тѣхъ поръ Польша была, такъ сказать, взята подъ русскій присмотръ; а православные ея подданные, западно-русскихъ губерній, подъ русскую опеку. Но до Екатерины II никто изъ государей русскихъ не

отваживался еще освободить ихъ совсѣмъ отъ польскаго ига.

Екатерина начала съ того, что потребовала, чрезъ посланника своего, у короля польскаго, Станислава Августа, чтобы онъ, по условіямъ заключеннымъ съ прежними царями, во всемъ сравнилъ бы православныхъ своихъ подданныхъ съ католиками и не притѣснялъ бы ихъ. Король польскій согласился на эти требованія, но паны и шляхта начали упрекать его въ томъ, что онъ изъ малодушія поддается русской императрицѣ, и возмутились противъ него. Екатерина, разумѣется, послала войска свои на помощь польскому королю противъ мятежниковъ и, наконецъ, въ 1772, совсѣмъ отняла у Польши губерніи, называемыя Бѣлоруссіей, въ которыхъ находилось наибольшее число православныхъ, видя, что подъ владычествомъ Польши они всегда будутъ находиться въ притѣсненіи.

Въ продолженіе двадцати лѣтъ дѣла въ Польшѣ находились, повидимому, въ томъ же положеніи, но подъ-рукою поляки работали противъ насъ, натравливая на Россію Турцію, точно такъ какъ въ старину натравливали татаръ. Графъ Румянцевъ разбилъ полтораста-тысячную турецкую армію, съ арміей, въ десять разъ меньшей, и перешелъ Дунай. Графъ Орловъ поразилъ турецкій флотъ при Чесмѣ, и турки покорились, но не унялись. Поляки успѣли еще возбудить противъ насъ и шведскаго короля; тутъ явился для защиты русской чести доблестный Суворовъ: взявъ штур-

момъ неприступную крѣпость Измаилъ, онъ заставилъ Турцію смириться.

Покончивъ съ Турціей, Екатерина ясно уразумѣла, что нечего болѣе разсчитывать на искреннее миролюбіе Польши, и довершила начатое дѣло, осуществивъ завѣтную думу лучшихъ царей русскихъ: она присоединила къ Россіи остальныя губерніи западной Руси, которыя еще находились подъ владычествомъ Польши. Польша осталась при своихъ польскихъ областяхъ. Такъ бы Екатерина и оставила ее, еслибы не новое вѣроломство со стороны неугомонной шляхты: вдругъ вспыхнулъ мятежъ сперва въ Краковѣ, потомъ въ Варшавѣ!

Явился Суворовъ, разсѣялъ мятежническія шайки, взялъ штурмомъ предмѣстіе Варшавы, Прагу, и тѣмъ прекратилъ существованіе Польши, которая столько вѣковъ терзала западную Русь и не давала покоя Руси восточной. Это достопамятное происшествіе совершилось въ 1794 году и Польша окончательно была раздѣлена между тремя союзницами: Россіей, Австріей и Пруссіей.

Здѣсь мы должны упомянуть о великомъ примѣрѣ уваженія къ чужимъ вѣроисповѣданіямъ, который показала мудрая Екатерина усмиреннымъ ею полякамъ: наказавъ ихъ за то, что они такъ долго преслѣдовали православіе, она могла бы, въ отмщеніе, подвергнуть латинство такимъ же преслѣдованіямъ; но она, не только этого не сдѣлала, напротивъ того: дозволила въ русскомъ городѣ Полоцкѣ іезуитамъ учредить монастырь и школу.

Къ несчастію. іезуиты оказались недостойными довѣрія великой императрицы, и до нашего времени смущаютъ легкомысленныхъ католическихъ подданныхъ русскаго государя.

Эти строки мы пишемъ для тѣхъ изъ читателей сей исторіи, которые исповѣдаютъ католическую вѣру, чтобы они остерегались тѣхъ ксендзовъ (тайныхъ іезуитовъ), которые вмѣшиваются въ политическія дѣла: ***настоящій ксендзъ, какъ служитель алтаря, всегда будетъ проповѣдывать любовь и преданность къ престолу и общему нашему отечеству — Россіи; такой ксендзъ достоинъ уваженія не только католиковъ но и православныхъ.***

Передъ тѣмъ, чтобы кончить повѣствованіе о ***«Екатерининскомъ вѣкѣ»,*** о золотомъ вѣкѣ Россіи, какъ называютъ его старики, мы со стыдомъ должны признаться, что на этотъ золотой вѣкъ, грубость и невѣжество народныя наложили черное пятно! Въ утѣшеніе скажемъ, что виновникомъ позора не былъ православный русскій народъ, облагодѣтельствованный Екатериной, а тѣ же самые раскольники и враги просвѣщенія, которые служили помѣхой Петру Великому въ его дѣяніяхъ, которые даже и теперь, безсильные огрызаются противъ грамотности и всякихъ усовершенствованій. Однимъ словомъ: ***отозвалась старинка!***

Началось съ того, что въ раскольничьихъ ски-

тахъ между Волгой и Ураломъ, да между казаками уральскими, пошли толки, что вотъ, дескать, ***новые порядки вводятъ, старину не уважаютъ, антихристово царство зараждается!*** Толки такіе всегда на руку бездомникамъ и бродягамъ: вотъ и появился бѣглый донской казакъ Пугачевъ, который воспользовался глупостью народной и объявилъ себя государемъ Петромъ Ѳеодоровичемъ! Многіе, разумѣется, знали, что Императоръ Петръ III давно въ могилѣ почиваетъ; но этимъ людямъ на руку было пограбить и поживиться чужой трудовой копѣйкой, другіе же, по глупости и безграмотности, повѣрили; такимъ образомъ составилась первая шайка.

Если бы на первыхъ порахъ, съ этой шайкой, распорядились какъ слѣдуетъ, тѣмъ бы и дѣло покончилось; но на бѣду въ то время атаманы уральскіе были не настоящіе генералы, а по выбору; кромѣ того не безъ всячинки на счетъ доходовъ войсковыхъ, стало быть силы не имѣли: ***сила только тамъ, гдѣ честность.***

Шайка умножилась до того, что, по оренбургской линіи, стала забирать крѣпостцы, да станицы. Настоящихъ войскъ нигдѣ не было въ тѣхъ мѣстахъ, потому что тогда шла война съ турками; стояли одни только гарнизонные солдаты, не такіе горнизонные баталіоны какъ теперь, которые никакому армейскому полку не уступятъ, а то, что, по тогдашнему времени, называлась—***гарниза пузатая.***

Пугачевъ успѣлъ, между тѣмъ, пріобрѣсть пушки и цѣлую толпу разныхъ бродягъ; началъ брать и жечь города, вѣшать и казнить тѣхъ, которые за нимъ не хотѣли идти. Навелъ, однимъ словомъ, такой страхъ и ужасъ, что по сію пору, въ тѣхъ мѣстахъ, расказываютъ о пугачевщинѣ. Разумѣется, какъ только принялись за дѣло, какъ слѣдовало бы съ начала, какъ только послали настоящее войско съ храбрымъ полковникомъ Михельсономъ, такъ и праху не осталось изо всей пугачевской сволочи. Его же, злодѣя, Суворовъ, который какъ разъ тутъ подоспѣлъ, приказалъ, словно дикаго звѣря, посадить въ клѣтку и повезти въ Москву, гдѣ онъ преданъ былъ заслуженной казни.

Послѣ смерти Екатерины II, взошелъ на всероссійскій престолъ единственный сынъ ея, императоръ **Павелъ I.** Царствовалъ всего онъ шесть лѣтъ. При немъ армія наша опять покрылась славою, подъ начальствомъ знаменитаго Суворова, котораго Императоръ послалъ на помощь австрійцамъ противу французовъ. Суворовъ разбилъ ихъ на голову и совершилъ знаменитый переходъ черезъ Альпійскія горы, которыя такъ высоки, что покрыты вѣчнымъ льдомъ и подымаются выше облаковъ. Однажды, во время этого перехода, солдаты наши оробѣли тѣмъ болѣе, что при страшной высотѣ, по обѣимъ сторонамъ снѣжной тропинки гдѣ они шли, разверзались бездонныя пропасти. Суворовъ, видя, что нѣкоторые уже хотятъ идти назадъ, приказалъ рыть себѣ могилу въ снѣгу и хотѣлъ въ нее лечь, чтобы только черезъ его

трупъ могло бы совершиться постыдное отступленіе! Всѣ солдаты, разумѣется, бросились впередъ и русское ура! раздалось надъ облаками, тамъ, гдѣ и птицы небесныя гнѣзда себѣ не свиваютъ,— развѣ одни орлы залетаютъ!

Многіе историки несправедливы къ императору Павлу тѣмъ, что говоря о строгости его, недостаточно оцѣниваютъ важную милость, оказанную имъ русскому народу: до него помѣщикъ могъ заставить своего крестьянина работать сколько ему хотѣлось; ***онъ постановилъ, чтобы крестьяне работали на помѣщиковъ три дня въ недѣлю, а остальные дни на себя.*** Этимъ указомъ ***Павелъ положилъ начало освобожденію крестьянъ...*** Да помолятся всѣ бывшіе крѣпостные люди за народолюбца Павла!

«Я буду править Богомъ врученный мнѣ народъ по законамъ и по сердцу премудрой бабки моей, Екатерины Великой: да вознесетъ Россію на верхъ славы и да утвердитъ ненарушимое блаженство всѣхъ верныхъ подданныхъ»!. Сказалъ императоръ **Александръ I Павловичъ** возседая на престолъ Всероссійскій послѣ кончины отца своего.

Другой сынъ императора Павла I, **Николай,** ко-

торый воцарился послѣ смерти брата своего Александра Павловича, оставшагося бездѣтнымъ, далъ обѣтъ, вступая на престолъ: «***жить единственно для любезнаго отечества, царствовать, какъ и царствовалъ Александръ Благословенный, чтобы совершить все, чего желалъ онъ для счастія Россіи, и слѣдуя примѣру его стяжать благословеніе Божіе и любовь народную»!***

Мы выписали слова обоихъ императоровъ при вступленіи ихъ на престолъ, потому что въ нихъ заключается вся исторія внутреннихъ усовершенствованій и преобразованій, совершившихся въ теченіе полустолѣтія.

И точно: 25-лѣтнее царствованіе Александра было, въ отношеніи образованія народнаго, усовершенствованія фабрикъ и торговли, искорененія злоупотребленій въ присутственныхъ мѣстахъ,— продолженіемъ царства Екатерины, какъ и объявлено имъ было при воцареніи. А 30-лѣтнее царствованіе Николая было, въ томъ же отношеніи, продолженіемъ царствованія Александра Благословеннаго.

Екатерина же, какъ читателю извѣстно, во всемъ слѣдовала указаніямъ Петра Великаго; слѣдовательно, Александръ и Николай были довершители мыслей и предположеній достославнаго преобразователя Россіи. Представимъ этому доказательства: всѣмъ сословіямъ, по желанію Петра, от-

крылся путь къ образованію—учрежденіемъ приходскихъ и уѣздныхъ училищъ по всѣмъ городамъ Имперіи, гимназій по губернскимъ городамъ и, кромѣ того, семи университетовъ. По Его же начертанію, для внутренной торговли, открылись водяные пути прорытіемъ каналовъ, соединяющихъ главныя русскія рѣки; учредился комерческій флотъ и приняты разныя поощрительныя мѣры, для торговли. Въ присутственныхъ мѣстахъ свято сохраненное зерцало, которое Петръ установилъ для напоминанія судьямъ и судимымъ ихъ обязанности, опять таки ясно доказываетъ, что оба императора проникнуты были завѣтной думой искорененія лихоимства, кривды и уваженія къ суду. Про армію и флотъ, окончательно преобразованныхъ по предначертаніямъ Петра, на подобіе европейскихъ, и говорить нечего! Однимъ словомъ—Александръ и Николай завершили задачу Петра Великаго: изъ дикой полутатарской страны возвести Россію на степень первенствующей державы европейской... Тезоименитый Александра Благословеннаго повелъ ее далѣе!

Начертавъ общую картину царствованій Александра и Николая Павловичей, предстоитъ намъ повести рѣчь о главныхъ военныхъ событіяхъ, прославившихъ вѣкъ ихъ и памятныхъ еще многимъ, оставшимся въ живыхъ героямъ этого славнаго для Россіи, времени!

Еще въ послѣдніе годы царствованія Екатерины во Франціи произошла революція, въ родѣ нашей самозванщины: неистовство и безобразіе дошли до

того, что французы казнили даже своего законнаго короля,—не говоря уже о множествѣ сановниковъ, о невинныхъ женщинахъ и дѣтяхъ, которыхъ кровь текла ручьемъ по улицамъ Парижа. Къ счастію еще, что во французской артиллеріи, служилъ въ то время паручикъ Бонапартъ, который такъ хорошо понялъ легковѣрный характеръ своихъ земляковъ, что успѣлъ въ короткое время примѣниться къ нимъ и пріобрѣсть вліяніе, а съ вліяніемъ, разумѣется, чины и великія почести. Впрочемъ, правду надо сказать: Бонапартъ изъ храбрыхъ былъ храбрый, изъ героевъ герой! Одержалъ онъ одну побѣду, потомъ другую, пошло и пошло... глядь: Бонапарта французы сдѣлали своимъ императоромъ, подъ именемъ Наполеона I-го.

Тутъ онъ учредилъ опять порядокъ, законы и дисциплину въ войскѣ. Все бы хорошо, и Наполеонъ заслужилъ бы благодарность отъ прочихъ государей Европы за усмиреніе революціи, еслибы не честолюбіе его! Онъ до того возгордился, что хотѣлъ сдѣлаться владыкою всего міра: началъ съ Италіи, Испаніи и съ нѣмецкихъ государствъ. Всѣ тогда за помощью обратились къ Россіи, еще при жизни императора Павла; Павелъ послалъ Суворова, который и совершилъ тотъ переходъ чрезъ Альпійскія горы, о которомъ было говорено, и побилъ нѣкоторыхъ французскихъ генераловъ. Но съ Наполеономъ, къ несчастію, онъ не встрѣтился, потому что Павелъ, разсердившись за неблагодарность австрійцевъ, для спасенія которыхъ онъ вооружился, отозвалъ назадъ свои войска.

Въ первыхъ годахъ воцаренія Императора Александра, онъ съ Наполеономъ жилъ въ ладахъ; но вскорѣ долженъ былъ заступиться за своихъ союзниковъ нѣмецкихъ королей, которыхъ Наполеонъ началъ жать безъ милосердія. Вотъ онъ, по добротѣ души своей, и вооружился за нихъ.

Тутъ, во второй разъ, Россія должна была испытать неблагодарность нѣмцевъ: какъ только Наполеонъ двинулся на Россію съ полчищемъ въ 800,000 человѣкъ, всѣ нѣмцы, за которыхъ именно Александръ и возсталъ, кинули его и пристали къ французамъ. Польша, по своей старой привычкѣ, тоже, разумѣется, возстала противъ насъ, и Александръ очутился одинъ для огражденія отечества отъ ***вторженія Галловъ и двунадесяти языкъ***, въ достопамятномъ 1812-мъ году.

Другой бы оробѣлъ, но онъ объявилъ подданнымъ своимъ, что ***не положитъ оружія, доколѣ ни единаго врага не останется въ Русскомъ царствѣ.*** Вся Россія откликнулась на этотъ зовъ возлюбленнаго Монарха, и потянулись ополченія изъ всѣхъ губерній на подкрѣпленіе доблестной арміи! Но противъ силы ничего не подѣлаешь!

Это хорошо понялъ главнокомандующій, Барклай-де-Толи: онъ, какъ опытный полководецъ, все отступалъ, чтобы втянуть Наполеона до самаго сердца Россіи, зная что чѣмъ дальше онъ войдетъ въ чужую сторону, тѣмъ труднѣе ему будетъ прокормить свое огромное войско и подвозить воен-

ные припасы. Такимъ образомъ Наполеонъ взялъ Смоленскъ и шёлъ ужь на Москву.

Къ несчастію у Барклая-де-Толя была нѣмецкая фамилія, хотя онъ въ душѣ былъ чистый русскій человѣкъ; народъ не понималъ, что онъ изъ политики отступаетъ, началъ подозрѣвать его въ измѣнѣ. Государь, чтобы успокоить своихъ подданныхъ, назначилъ Кутузова. При этомъ Барклай-де-Толи показалъ все величіе души своей: вмѣсто того, чтобы обидѣться, онъ сталъ подъ начальство новаго главнокомандующаго.

Кутузовъ не перемѣнилъ мудраго плана отступленія Барклая и сговорился съ московскимъ генералъ-губернаторомъ, графомъ Ростопчинымъ, на счетъ приготовленій къ пріему Наполеона въ Москвѣ. Между тѣмъ, чтобы поддержать духъ арміи, передъ тѣмъ чтобы впустить француза въ Москву, рѣшился дать одно сраженіе при селѣ Бородинѣ.

Бородинское сраженіе продолжалось цѣлый день 26-го августа. Съ тѣхъ поръ какъ міръ стоитъ, человѣчество не слыхало такого пушечнаго грома: у Наполеона было 1,000 пушекъ, у насъ 640. Никогда не лилось столько крови: изъ 120,000 человѣкъ русскаго войска, половина легла на полѣ брани, Наполеонъ потерялъ не менѣе изъ своей 185,000 арміи. Въ продолженіе всего дня другъ у друга отбивали редуты, и ни та, ни другая армія не поддавалась. Всѣ наши генералы оказывали чудеса храбрости: Милорадовичъ, Дохтуровъ,

Раевскій, Багратіонъ, который умеръ отъ раны.... всѣхъ и не перечтешь.

Несмотря на то, что врагъ не могъ заставить насъ отступить съ бородинскаго поля, Кутузовъ, къ удивленію всѣхъ, на другой день снялся съ позиціи и безъ боя впустилъ Наполеона въ Москву.

Здѣсь французскаго императора ожидалъ тотъ пріемъ, который ему приготовилъ графъ Ростопчинъ съ москвичами: вмѣсто теплыхъ квартиръ, провіанта, фуража и тріумфальной встрѣчи съ хоругвіями и образами, которыхъ Наполеонъ ожидалъ,—московскіе жители задали ему великолѣпный фейерверкъ: зажгли Москву, причемъ не пожалѣли ни домовъ своихъ, ни провіанта, ни фуража, который такъ нуженъ былъ французской арміи: Москва горѣла трое сутокъ.... Примѣръ такого геройскаго самоотверженія и любви къ отечеству не встрѣчается ни въ одной исторіи!

Наполеону пришлось подумать—какъ бы убраться по добру по здорову: зашелъ онъ далеко, зима на носу, а *злодѣи русскіе*, вмѣсто теплыхъ квартиръ, приготовили однѣ развалины! На этомъ то и подсидѣлъ его Кутузовъ, въ этомъ то и состоялъ весь планъ и его, и Барклая! Наполеонъ хотѣлъ было свернуть по калужской дорогѣ внизъ, чтобы не идти опять по смоленской, по которой все было опустошено его же арміей; но Кутузовъ, сраженіемъ подъ Малоярославцемъ, заставилъ его идти по старому разоренному пути.

Тутъ ужь мы начали бить французовъ: Милорадовичъ нанесъ имъ первое пораженіе подъ

Вязьмой; потомъ подъ Краснымъ; а Платовъ, съ своими казаками, то справа щипнетъ, то налѣво метнется, то обозъ отобьетъ... ***Не любятъ казаковъ французы и по сю пору!***

Окончательно былъ разбитъ Наполеонъ у рѣки Березины: на бѣду его при переправѣ еще ледъ подломился и множество французовъ провалилось; самъ же онъ еле-еле ускакалъ на перекладной, оставивъ свою армію на произволъ судьбы.

Десятая часть оной не спаслась: однихъ плѣнныхъ осталось въ Россіи до 200,000, которымъ, впослѣдствіи, благодушный Императоръ Александръ даровалъ свободу. Болѣе 400,000 погибли: одни въ битвахъ, другіе отъ голода и стужи, а многихъ крестьяне, даже бабы старыя, прокалывали рогатинами; кромѣ того намъ досталось болѣе 1,000 пушекъ и до 100 знаменъ.

Въ день Рождества Христова русскій народъ празднуетъ свое избавленіе ***отъ нашествія Галловъ (*) и съ ними двадесяти языкъ.***

Какъ русскіе только покорили Наполеона, разумѣется, всѣ нѣмецкіе короли опять пристали къ Александру. Весь 1813 и 14 года ознаменованы нашими побѣдами надъ французами, несмотря на то, что австрійцы постоянно намъ мѣшали, съ извѣстнымъ своимъ лукавствомъ приставая то на ту,

---

(*) Точно такъ какъ русскіе происходятъ отъ древнихъ *славянъ*, французы происходятъ отъ древнихъ *галловъ*.

то на другую сторону, — смотря кто верхъ беретъ.

Съ Наполеономъ, однако же, разъ было совсѣмъ порѣшили, сослали его на островъ Эльбу, и въ Парижѣ наши войска отдали визитъ французамъ, побывавшимъ въ Москвѣ. Но ему удалось уйти изъ мѣста своего заключенія и собрать новое войско. Тогда уже всѣ европейскіе короли пристали къ Александру и нанесли Наполеону окончательный ударъ при Ватерлоо; вслѣдствіе чего онъ былъ сосланъ на островъ Елену, гдѣ и окончилъ свою жизнь... Да проститъ ему Богъ всѣ несчастія, которыя отъ него потерпѣло человѣчество, и да отдастъ ему долгъ уваженія всякій воинъ, какъ одному изъ величайшихъ полководцевъ міра. ***Солдатъ обязанъ уважать геройство и храбрость даже въ кровномъ врагѣ своемъ для того, чтобъ и врагъ его уважалъ; подраться можно, а послѣ драки надо обняться.***

Послѣ пораженія Наполеона, Александръ взялся устроить всѣ европейскія дѣла: Франціи возвратилъ законнаго короля, брата того, котораго свои же подданные казнили; всѣмъ нѣмецкимъ королямъ отдалъ то, что у нихъ было отнято Наполеономъ. За собой же, по безкорыстію своему, укрѣпилъ только Польшу, которая и безъ того была въ нашихъ рукахъ. Все это рѣшено было и подписано въ Вѣнѣ въ 1815 году, между всѣми европейски-

ми государями на знаменитомъ, такъ называемомъ, ***Вѣнскомъ конгресѣ*** (*).

Умиротворивъ Европу, Александръ Благословенный царствовалъ еще 10 лѣтъ, неустанно заботясь о благѣ Россіи и образованіи. Война съ французами, въ этомъ отношеніи, не мало принесла пользы для отечества: начиная съ того, что подвинула впередъ военное искуство, во-вторыхъ, побывавъ за границей, переняли мы многое у иностранцевъ на счетъ науки и словесности. Тутъ, кстати, упомянемъ о знаменитомъ нашемъ историкѣ Карамзинѣ, который первый написалъ полную и, до сихъ поръ самую лучшую, исторію государства россійскаго; къ этому труду его поощрялъ самъ Александръ. Но хотя походъ въ Парижъ принесъ Россіи пользу, онъ надѣлалъ ей много и зла, тѣмъ, что нѣкоторыя молодыя головы заразились тамъ вольнодумствомъ.

При вступленіи на престолъ императора Николая Павловича, эти молодыя головы, воспитанныя иностранцами и не зная русскаго человѣка, хотѣли по своему облагодѣтельствовать его и затѣять революцію въ родѣ французской: 14 декабря 1825 года, вышли было они, въ Петербургѣ, на площадь передъ Сенатъ, да начали голосить! Но всѣ были взяты и тогда только поняли, что русскаго народа отъ русскаго царя отлучить нельзя!

Первые года царствованія императора Николая Павловича ознаменованы славными дѣлами наше-

(*) *Конгресъ*, значитъ съѣздъ или собраніе, на которомъ посланники рѣшаютъ политическія дѣла.

го войска, подъ начальствомъ фельдмаршаловъ: Паскевича и Дибича.

Началось съ Персіи: шахъ персидскій, думая, что послѣ смерти Александра произойдутъ безпорядки, захотѣлъ воспользоваться случаемъ, и вдругъ, ни съ того ни съ сего, послалъ сына своего, Аба-са-Мирзу, съ многочисленнымъ войскомъ, въ нашъ Закавказскій край. Тогда на Кавказѣ командовалъ знаменитый Ермоловъ, который держалъ черкесъ въ такомъ страхѣ, что они и до сихъ поръ дѣтей своихъ пугаютъ его именемъ. Но у Ермолова было слишкомъ мало войскъ, чтобы отлучиться съ Кавказа и идти противъ персіянъ; по этой причинѣ Николай Павловичъ послалъ генерала Паскевича.

Паскевичъ не далъ вздохнуть персіянамъ: разбилъ вдесятеро сильнѣйшую ихъ армію при Елизаветполѣ; овладѣлъ Эриванью, за что получилъ отъ государя достоинство графа эриванскаго; взялъ Таврисъ и прямо направился на персидскую столицу Тегеранъ. Шахъ такъ испугался, что согласился на всѣ условія Паскевича для заключенія мира: отдалъ въ вѣчное владѣніе русскимъ области Эриванскую и Нахичеванскую, заплатилъ огромную сумму денегъ, и обѣщался болѣе не воевать противъ бѣлаго царя.

Только что былъ заключенъ миръ въ 1828 году, какъ пришлось намъ воевать противъ турокъ за единовѣрцевъ нашихъ грековъ, которые тогда находились въ турецкомъ подданствѣ. Еще при Александрѣ Павловичѣ мы, вмѣстѣ съ французами, и англичанами заступались за несчастныхъ грековъ,

которыхъ варварски мучилъ султанъ Махмудъ; онъ обѣщалъ было быть помягче, но не сдержалъ своего обѣщанія, напротивъ того, сдѣлался еще жестокосерднѣе противъ христіанскихъ своихъ подданныхъ. Тогда наша эскадра (*), въ соединеніи съ эскадрами французской и англійской, въ наказаніе за вѣроломство султата, разбили весь его флотъ подъ Навариномъ.

Султанъ не примирился! Пришлось царю русскому воевать и на сухомъ пути: двинулись наши войска двумя арміями; одна пошла, подъ начальствомъ Паскевича, съ Кавказа и духомъ забрала Карсъ, Ахалцыхъ и вступила въ Арзрумъ. Другая, предводительствуемая Дибичемъ, перешла Дунай, взяла Варну, разгромила турецкую армію при Кулевчѣ и очутилась по ту сторону Балканскихъ горъ, въ Адріонополѣ.... Султанъ турецкій пришелъ въ такой же ужасъ, какъ, годъ передъ тѣмъ, персидскій шахъ, и просилъ мира. Послѣдствіемъ нашихъ побѣдъ было освобожденіе единовѣрныхъ намъ грековъ отъ ига турецкаго: въ 1830 году греки получили своего короля.

Не успѣли наши пушки замолкнуть въ Балканскихъ горахъ, какъ имъ пришлось громить мятежныхъ поляковъ—подъ Гроховымъ, подъ Остроленкой, наконецъ подъ самою Варшавой!

Графъ Дибичъ-Забалканскій, который началъ усмиреніе мятежныхъ поляковъ, умеръ отъ холеры; докончить его дѣло и вступить въ Варшаву, въ

(*) Эскадра значитъ отрядъ кораблей.

1831 году, пришлось графу Паскевичу-Эриванскому, который за это и получилъ титулъ князя Варшавскаго.

Послѣ польскаго мятежа, войскамъ нашимъ пришлось немного поотдохнуть. Это время мира и спокойствія было время золотое для наукъ, искуствъ и словесности: Жуковскій, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь и сотни другихъ писателей временъ Николая, до сихъ поръ читаются съ бо́льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ многіе изъ новыхъ сочинителей. Такимъ процвѣтаніемъ науки и словесности Россія обязана мудрому государственному сановнику, тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, графу Уварову. Другой доблестный мужъ и примѣрный сынъ отечества, Сперанскій, помогъ императору Николаю докончить въ 1833 году великій трудъ изданія Свода всѣхъ россійскихъ законовъ. ***Сводъ Законовъ*** будетъ служить такимъ же вѣчнымъ памятникомъ для Николая, какъ ***Русская Правда*** для Ярослава Мудраго.

Выше еще этого памятника воздвигъ себѣ императоръ Николай Павловичъ другой, довершая великое дѣло, начатое Екатериной: ***Она освободила Западную Русь отъ польскаго ига, Онъ освободилъ ее отъ уніи!***

Изъ прежде-сказаннаго читатель помнитъ, что поляки обращали въ Унію западныхъ Россіянъ разными насиліями и обманами; при Нико́лаѣ Павловичѣ около двухъ миліоновъ этихъ насильственно-обращенныхъ присоединились, въ 1839

году, вновь къ православію. Такимъ образомъ: братія по племени, западно - россіяне и великороссіяне, содѣлались братьями по православію и соединились въ одну всероссійскую семью!

Вернемся теперь опять къ возобновившимся, послѣ осьмнадцати-лѣтняго мира, военнымъ дѣламъ.

Въ 1849 году императоръ Николай Павловичъ вооружился на помощь австрійскому императору, для усмиренія венгровъ, съ которыми, безъ русскихъ войскъ, австрійцы не могли бы справиться: героемъ венгерской кампаніи опять является фельдмаршалъ Паскевичъ!

Думалъ ли тогда великодушный Монархъ, что эти австрійцы, которыхъ онъ спасъ, отплатятъ ему неблагодарностью, какъ неоднократно они дѣлали при Павлѣ и при Александрѣ? Однакожь такъ и случилось: Россія была оставлена всѣми своими союзниками, и одна должна была бороться въ Севастополѣ противъ французовъ, англичанъ и итальянцевъ, которые не постыдились вступить въ союзъ съ турками.... Рыцарская душа императора Николая не вытерпѣла коварства людскаго и—надломилась...- Онъ скончался 18 февраля 1855 года, благословляя Русь и преемника своего на будущіе подвиги! —

И ПОДВИГИ СВЕРШИЛИСЬ!

Объ нихъ знаютъ всѣ,—знаютъ на всѣхъ четырехъ концахъ свѣта: ***на сѣверѣ*** знаютъ о нихъ облагодѣтельствованные финны; ***на западѣ***— братья наши русскіе, освобожденные отъ панскаго

гнета; *на югѣ*—жители умиротвореннаго Кавказа; даже на отдаленномъ *востокѣ* говорятъ о нихъ кочевники, огражденные отъ набѣговъ хищныхъ бухарцевъ.... И потому, какъ историкъ, я умолкну!

Но какъ русскій, со всѣмъ людомъ русскимъ — буду молиться за даровавшаго намъ скорый и правый судъ! Буду молиться за Царя-освободителя!

AKADEMICKÁ KNIHOVNA V PRAZE

РУСЬ въ IX столѣтіе

ПРИ РЮРИКѢ

Голубая линія означаетъ границы Россіи какъ она теперь есть, а голубое пятно такъ какъ она была при Рюрикѣ. Послѣ Рюрика Русь начала скоро увеличиваться: Олегъ дошелъ до Кіева, а Владиміръ Мономахъ оставилъ своимъ дѣтямъ Россію какъ она показана въ слѣдующей картѣ.

РУСЬ съ XII столѣтія до первой половины XIII го.
ПОСЛѢ ВЛАДИМІРА МОНОМАХА ДО ТАТАРЪ

По голубому пятну видно какъ Русь, въ теченіи 300 лѣтъ, болѣе чѣмъ въ пять разъ увеличилась; но, къ несчастію скоро послѣ смерти Владиміра Мономаха, князья начали ссориться и, вмѣсто того чтобы слушаться одного старшаго, раздробили Русь на удѣлы; здѣсь, на картѣ, обозначены главные 11-ть удѣловъ. Чрезъ раздробленіе Русь ослабла и враги воспользовались этой слабостію какъ показано въ слѣдующей картѣ.

РУСЬ съ первой половины XIII до второй половины XV столѣтія

ТАТАРСКОЙ И ЛАТИНСКОЙ ПОГРОМЫ

Стрѣлы начертанныя на картѣ показываютъ направленіе по которому, на ослабшую чрезъ раздробленіе Русь, напали—татары съ одной стороны, а крестоносцы и поляки—съ другой. Татары дѣйствовали огнемъ и мечемъ, а крестоносцы и поляки въ добавокъ къ этому лестью и латинствомъ. Въ слѣдствіе этого нападенія съ двухъ сторонъ, Русь раздѣлилась на двѣ части, какъ показано на картѣ. *Восточная Московская Русь* занялась татарами и съ небольшимъ чрезъ двѣсти лѣтъ освободилась отъ нихъ; *Западная Литовская Русь* занялась крестоносцами и поляками, но не осилила ихъ, а была поляками покорена. Потомъ, уже только при Екатеринѣ, западная Русь освободилась отъ поляковъ и съ тѣхъ поръ обѣ части Руси, соединенныя воедино составили почти такую же великую державу, какова Россія нынѣ есть и какъ она показана въ слѣдующей картѣ.